

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ
ГОУ ВПО «ДОНЕЦКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
ИСТОРИЧЕСКИЙ ФАКУЛЬТЕТ
КАФЕДРА МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ И ВНЕШНЕЙ
ПОЛИТИКИ**

Ерхов Г.П.

**РОЛЬ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОДСИСТЕМ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XXI В.**

Учебное пособие

Донецк
ГОУ ВПО «ДонНУ»
2020

УДК 327:323.174"XXI"(075.8)
ББК ТЗ(о)7-6я73
Е797

Рецензенты:

Тонких В.А., д.и.н., профессор кафедры международных отношений и мировой политики ФГБОУ ВО «ВГУ»;

Михалев О.Ю., к.и.н., доцент кафедры международных отношений и мировой политики ФГБОУ ВО «ВГУ»

*Рекомендовано к изданию Ученым советом
ГОУ ВПО «Донецкий национальный университет»
(протокол № 2 от 6.03.2020 г.)*

Автор: Ерхов Г.П.
Е797 Роль региональных подсистем международных отношений
в XXI в.: учебное пособие.– Донецк: ДонНУ, 2020. – 87 с.

Учебное пособие подготовлено на базе читаемого автором программного курса для магистров, опубликованных им по темам курса научных статей, документов региональных международных организаций Европейского Союза, а также материалов учебных пособий МГУ и МГИМО, Санкт-Петербургского университета под руководством профессоров П.А. Цыганкова, А.Д. Воскресенского, И.Н. Барыгина, Дергачева В.А., Вардонского Л.Б и др.

Главная цель пособия – сообщить студентам необходимые знания о деятельности региональных международных организаций как подсистем общей системы международных организаций на современном этапе.

УДК 327:323.174"XXI"(075.8)

ББК ТЗ(о)7-6я73

© Ерхов Г.П., 2020

© ГОУ ВПО «ДонНУ», 2020

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
РАЗДЕЛ I. Международный регионализм и его роль в интеграционном процессе.	8
РАЗДЕЛ II. Процесс интеграции и деятельность региональной подсистемы на американском континенте	20
РАЗДЕЛ III. Процесс региональной интеграции в Европе на современном этапе	31
РАЗДЕЛ IV. Африканская подсистема международных отношений в XXI веке	43
РАЗДЕЛ VI. Деятельность СНГ и субрегиональных организаций на постсоветском пространстве	58
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	68
ГЛОССАРИЙ	72
СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ	75

ВВЕДЕНИЕ

Основной категорией международного регионоведения, как следует из названия дисциплины, является «международный регион». Понятие термина происходит от латинского regio – страна, область, пространство. Первоначально оно активно использовалось, по преимуществу, в рамках географического знания. Определение «международный» подразумевает тип регионов, с которыми мы имеем дело в контексте нашей дисциплины. Это международные регионы, которые находятся в отношениях взаимодействия и/или взаимозависимости в различных странах или группах стран.

Как и большинство научных терминов и категорий, этот термин многозначен. Большинство концепций международного регионоведения представлено в рамках классической и модернистской парадигм. В географии под международным регионом понимают определенную часть территории, относительно однородную по тем или иным географическим параметрам, в экономической теории – по экономическим, в экономической географии – по экономическим и географическим. В политологии под международным регионом понимают относительно однородную по тем или иным политологическим параметрам территорию, в экологии – относительно однородную по экологическим параметрам территорию, в экополитологии это однородность проявляется, соответственно, в параметрах как политологических, так и экологических одновременно.

Термин приобрел актуальное значение в России в послереволюционный период. Так, известный Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона, изданный в Санкт-Петербурге (1890-1907) в 86 томах и содержащий статьи по всем отраслям знания, оставил термин «международный регион» за пределами своего внимания. В рамках названий отдельных статей на русском языке термин отсутствовал, хотя и имелся в латинском написании в тексте словаря.

Впоследствии ситуация изменилась. Под воздействием, в первую очередь, основополагающих документов ООН во втором издании Большой советской энциклопедии в 1955 г. появляется статья «Международные региональные соглашения». В ней они определяются как «международные соглашения о взаимной помощи между государствами, расположенными в определенном географическом районе. Возможность заключения международных региональных соглашений, направленных на поддержание мира и безопасности государств, предусматривается Уставом ООН». Таким образом, здесь используется трактовка терминов «район» и «международный регион».

Позже появились трактовки интересующего нас термина применительно к нашей проблематике. Вот, например, как трактовала это понятие «Большая

советская энциклопедия»: «Регион – крупная индивидуальная территориальная единица (напр., природная, экономическая, политическая и др.). Региональный – относящийся к какой-либо определенной территории (району, области, стране, группе стран).

Однако, по нашему мнению, термины «регион» и «район» существенно различаются. В отличие от второго «международный регион» может представлять собой прерывную или неоднородную территорию, в пределах которой имеется набор однородных характеристик, политического, экономического, культурного, социологического, экологического, географического, языкового и другого ландшафта. На различных уровнях интерпретаций понятия «международный регион» конкретный набор этих характеристик различен.

Международное региональное поле скрепляется различными видами защиты со стороны его членов. Это может быть определенный международный региональный политический институт, например СНГ, Евросоюз, иногда – культурные и языковые внешние границы (например страны Британского содружества), а также конфессиональное единство (православные страны, исламские государства) или идеологическое единство (коммунистические государства), либо более тонкие узлы социокультурного единства (Россия и Сербия, Канада и Великобритания и др).

На макроуровне под международным регионом понимаются территориальные образования, обладающие необходимым набором целостнообразующих характеристик и состоящие из групп государств, не всегда имеющих общие границы (например, международный регион Севера, страны Глубокого Юга, международный регион Юго-Восточной Азии). Здесь максимальна неоднородность набора характеристик. Языки, основные элементы культуры, такие, например, как религия, социально-демографические характеристики, административно-территориальное деление здесь обладает качествами прерывности. И только некоторые характеристики географического, экономического, экологического, политико-философского и некоторых других параметров проявляют черты относительной глобальной однородности.

При этом в рамках этого уровня следует различать: 1) международные региональные образования, обладающие необходимым набором целостнообразующих характеристик и состоящие из групп государств, где одно государство является системообразующим для всего международного региона – монополярная модель (например, страны Запада с центром США, Востока с центром СССР); 2) международные региональные образования, обладающие необходимым набором целостнообразующих характеристик и состоящие из групп государств, где ни одно государство не является системообразующим для всего международного региона – многополярная модель (например, международные

регионы Севера и Юга, страны Юго-Восточной Азии, страны Западной Европы, страны Карибского бассейна).

На среднем уровне под международным регионом мы будем понимать территориальные образования, обладающие необходимым набором целостнообразующих характеристик и состоящие из государств, а также территорий государств, примыкающих к этому международному региональному образованию на основании какого-либо системообразующего фактора (например, международный регион Каспийского моря, международный регион Северной Евразии).

Здесь средняя интенсивность распространения характеристик неоднородности. Относительно однородными, как правило, выступают близкие языки, религия, элементы культуры и образа жизни, экономики, философско-политические обоснования и проекции будущего развития и т.п. Именно в таком контексте употребляются такие термины, как Латиноамериканский международный регион, международный регион стран Балтийского моря, международный регион стран Карибского моря и др.

На микроуровне под международным регионом мы будем понимать территориальные образования внутри той или иной страны, обладающей необходимым набором целостнообразующих характеристик и состоящие из ряда нескольких административных и других районов и демонстрирующие определенную степень однородности в общем (природном, культурном, экономическом, демографическом и т.д.) ландшафте.

На наноуровне под международным регионом будем понимать территориальное образование минимальное, как правило, муниципальное образование, обладающее относительной однородностью характеристик социальной деятельности.

В рамках данного дискурса под международными регионами понимают субъекты административно-политической и хозяйственной деятельности той или иной страны и/или наднационального образования. Так, например, Декларацию о регионализме в Европе приняли более 300 регионов старого света. Термин «регионы России» предусматривает в настоящее время отсылку к 86 субъектам Российской Федерации.

Таким образом, международными регионами или регионами в международном контексте (в узком смысле этого слова) выступают только такие группы или фрагменты указанных международных регионов, которые объединяют те или иные международные региональные образования как минимум по сторонам одной государственной границы (трансграничные международные регионы).

При этом основанием для фиксации наступления состояния образования международного региона выступает факт заключения договора о международном региональном сотрудничестве.

В ходе подготовки учебного пособия автор опирался на общенаучные подходы и закономерности в выяснении роли региональных подсистем в развитии международных отношений, а также на труды отечественных и зарубежных ученых. Среди них РАН Примаков Е.М., Богданов А.А., Богатуров А.А., Барыгин И.Н., Боришполец К.П., Ланцев С.А., Лебедев М.М., Торкунов А.В., Хрусталеv М.А., Цыганков П.А. и др.

РАЗДЕЛ I. Международный регионализм и его роль в интеграционном процессе.

В гуманитарном знании международная регионалистика была представлена совсем недавно, хотя понятие регион имеет свою историю. Широко использовалось оно в географии, государственном строительстве, экономической географии, этнографии, социологии, демографии и общей политологии. Международная регионалистика – это то направление международного регионоведения и учебной дисциплины, в рамках которого условно объединяются конкретно-региональные (прикладные) разделы других существующих наук об обществе. Вместе с тем международная регионалистика – это самостоятельная дисциплина.

В процессе дальнейшей конкретизации международного регионоведческого знания, например, предметом политической международной регионалистики выступает проблема принадлежности действующего политического субъекта (или политического явления) к целостному международному региональному социуму, а также понимание, объяснение и прогнозирование международных региональных политических явлений.

Так, например, тенденции к глобализации в области культуры могут быть проиллюстрированы фактами того, что в последнее десятилетие в кинотеатрах мира от 62 до 78 киносеансов из каждых 100 составляет продукция Голливуда. И хотя в последние годы ситуация меняется в сторону деамериканизации в этой сфере, но общие тенденции остаются прежними. Такие бренды как «Макдональдс» и долларовой эквивалент национальных валют создают виртуальные глобальные регионы потребления элементов американской культуры.

Во многом процесс международной регионализации связан с деволуцией, как политикой государства по воссозданию «новой роли международных регионов», отвечающей не только функциональным нуждам сегодняшнего государства, но и требованиям международных региональных элит и сообществ.

Международные региональные отношения обрели важное значение в области мировой политики после Второй мировой войны. Это связано с возрастанием таких факторов, как невозможность ведения глобальных войн традиционными методами (как известно, в ядерной войне не бывает победителей). Проблема предотвращения третьей мировой войны в Европе требовала предложения в том случае и новых принципов наднационального политического управления. Результатом поисков в этом направлении и стал регионализм.

На основе макромоделирования в рамках таких наук, как история, конфликтология, политическая глобалистика, геополитика и др. сложилось несколько основных концепций представления интернациональных региональных структур. Среди них следует выделить ряд основных подходов к изучению политической международной регионализации: политико-географический, политико-исторический, политико-системный и элитистский.

Необходимо отметить, что ни один из названных подходов не является специализированным, т.е. не ориентирован на изучение только одной из сторон жизнедеятельности общества, а напротив, разрабатывается с целью анализа взаимодействия политической, экономической, социальной и т.п. областей международной региональной системы. По И.Н. Барыгину, в центре международных регионоведческих исследований должна находиться политологическая парадигма, которой отводится функция координирования связей между другими подсистемами изучаемого международного региона.

Основными разновидностями политико-географического подхода выступают пространственно-временной и геополитический подходы. Пространственно-временной был разработан в рамках немецкой географической школы, основанной в XIX в., в которой основополагающая роль отдавалась географическим факторам. В середине XX в. изучение зависимости функционирования объектов от их месторасположения продолжились последователем этой парадигмы в отечественной науке Б.Б. Родоманом, который сформулировал позиционный принцип функционирования объектов в геопространстве. Его смысл заключался в том, что уровень экономического развития регионов во многом определяется их положением относительно центра роста производства, науки, культуры и т.п. Так, на территории любого государства можно выделить оптимальную точку, в которой объекты функционируют лучше всего, - это так называемый «локальный оптимум». Если объект находится вне этой точки, то на него действует сила, которую исследователь определил как «давление места» (или силу «позиционного давления»). Под воздействием этой силы подвижные субъекты способны к перемещению «точки локального оптимума» на их территорию, а менее подвижные меняют свои свойства и функции. Таким образом, объекты либо адаптируются путем нахождения своего нового положения в пространстве, прибегая при этом к интенсивному воздействию на внешнюю среду, либо деградируют и исчезают.

Этот подход удобен при исследовании процессов международной политической регионализации благодаря содержащемуся в нем потенциалу для:

- 1) Обоснования политической значимости международного региона с точки зрения экономической функциональности;

2) Построения линейной зависимости между тремя категориями: географическим положением, экономикой и международной региональной политикой;

3) Выделения на территории изучаемых государств международных регионов, обладающих параметрами оптимального местоположения;

4) Анализа влияния экономической развития на эффективность функционирования регионов обладающих параметрами оптимального местоположения;

5) Поиска точки «локального оптимума» для международных регионов, не входящих в число развитых;

6) Разрешения экономических проблем политическими методами и способами.

Геополитический подход, прежде всего, тесно связан с двумя положениями геополитической теории, которые применимы и к международным регионам.

Первое имеет основание в немецкой школе геополитики и взглядах ее родоначальника Ф. Ратцеля. Он считал, что обоснование основных процессов, происходящих в государствах и регионах, должно осуществляться с позиции допущения постоянного стремления факторов внешней среды к территориальной экспансии, которая может привести к поглощению более мелких и слабых регионов либо соседним регионом в рамках единого государственно-правового пространства, либо сопредельной страной. Однако международное региональное образование во избежание потери территориальной автономии может прибегнуть к коренной ломке внутренних политико-экономических структур, что способствует его модернизации.

Второе положение принято в американской школе геополитики (Р. Страус-Хюпе, Г. Уайджерт, В. Стефансон, Н. Спайкмен, О. Латимер и др.). Согласно их мнению, ключевая роль во взаимодействии регионов принадлежит не территориальной экспансии, а установлению контроля над региональной единицей посредством политических, экономических и идеологических факторов. Подобный контроль может быть предпринят как со стороны центральной государственной власти, так и иных территориальных образований международного регионального уровня.

Следует указать на некоторую узость политико-географических подходов: во-первых, основной акцент делается на анализе географического местоположения субъектов относительно центра и периферийных территорий; во-вторых, значительное внимание уделяется исследованию взаимозависимости экономического потенциала международного региона и политической значимости в государстве; в-третьих, тенденции международной регионализации

рассматриваются как результат наиболее эффективного сочетания географических и экономических факторов.

Историко-политический подход связан с исследованием места и роли региона в государстве. Предельно широким объектом в рамках данного подхода является суверенное государство, в контексте которого анализируются его составные элементы – международные региональные образования. Внимание акцентируется на исторических процессах формирования потенциала государства за счет политических и иного рода изменений, присутствующих в том или ином субъекте, а также на анализе интегративных возможностей разнообразных взаимодействий региональных субъектов. Рассматриваемый подход предполагает возможность существования международных региональных образований в качестве динамических единиц, внутренние процессы в которых подвержены структурным и функциональным изменениям в ходе исторического развития. Такие изменения могут служить причиной для преобразований в масштабе всего государства. Для понимания текущих политических событий и определения перспектив дальнейшего развития, целесообразно обращаться к историческим традициям процессов международной регионализации, характерных для данной страны.

Такой подход поможет отыскать исторические корни, обуславливающие как положительные, так и отрицательные стороны международной регионализации в целом, позволит проследить ее долговременные тенденции, выявить традиционные эпицентры международных регионалистских настроений, а также территории, тяготеющие к международной региональной форме государственного устройства. Подобный анализ даст возможность найти наиболее эффективный путь совершенствования федералистских отношений во взаимодействии с пограничными странами и регионами.

Использование политико-системного подхода позволяет предпринять углубленное исследование сложных объектов, образованных из более простых, органически связанных между собой различными международными региональными подсистемами. Административные границы, рельеф местности, состав населения, территориально-производственные комплексы обладают как вертикальными каналами взаимодействия между разными сегментами в цельной геосистеме, так и горизонтальными связями, позволяющими осуществлять сближение обособленных систем. В связи с этим международную региональную геосистему можно определить как цельное образование, функционирование элементов которой зависит от их расположения на территории от свойств окружающей природной среды. Геосистема зависит от подсистем, каждая из которых выполняет определенные функции и не подлежит расчленению. Это позволяет рассматривать геосистему как своего рода «черный ящик», связи

которого с внешней средой можно проследить на «входе» и «выходе». В процессе получения информации о содержании её подсистем происходит постепенный её переход сначала в качество «серого ящика», а затем «белого ящика». Таким образом, при прояснении содержания всех подсистем создаётся целостное представление о геосистеме, её внутренней структуре и состоянии подсистем.

По характеру связей геосистемы подразделяются на открытые, закрытые и изолированные. Для открытых геосистем характерен широкий обмен с окружающей средой или другими геосистемами – международными регионами. Закрытые геосистемы обмениваются с внешней средой только «массой», но не «энергией». Изолированные геосистемы не осуществляют никакого взаимодействия с другими геообразованиями. Важным критерием существования геосистемы может быть оптимальным, критическим или катастрофическим. Оптимальное состояние – это постоянное развитие без каких-либо нарушений геосистемы. Состояние кризиса – неспособность ответить на часть вызовов окружающей среды. Критическое состояние – разрушение региона.

Целесообразно выделить геосистемы высшего и низшего уровня. К первой категории будут относиться наднациональные образования, а также суверенные государства. Ко второй – международные региональные единицы, в составе которых, в свою очередь, находятся муниципальные образования. Если международный регион рассматривается как объединение нескольких субъектов РФ и части соседнего государства, можно выделить еще одно звено в иерархической структуре геосистемы. В таком случае иерархия геосистемы будет выглядеть следующим образом: трансмеждународное региональное образование, состоящее из нескольких государств – международный регион, состоящий из ряда областей соседних государств – международный регион, состоящий из ряда муниципальных образований соседних государств.

Согласно элитистскому подходу, все процессы политического развития, как на общегосударственном, так и на международном региональном уровнях формируют относительно немногочисленных групп – элиты. Целью доминирующей группы является стремление завладеть как можно большим объемом материальных или властных ресурсов. В данной связи вполне объяснима ориентация международной региональной правящей элиты на построение системы федералистских отношений с широкими полномочиями международных региональных лидеров, а также попытки блокирования данного процесса со стороны федеральных властных группировок. Способность группировки и её лидера использовать свою реальную силу определяется не только абсолютными размерами, но и умением применить её сообразно с меняющимися обстоятельствами.

Таким образом, детальное рассмотрение изложенных выше подходов позволяет нам разработать классификацию и структурировать весь их спектр согласно следующим критериям: во-первых, возможность конструирования моделей, направленных на определение перспектив дальнейшего политического развития международных регионов с помощью имитации эволюции объекта изучения; во-вторых, способность дать характеристику структурным элементам, свойствам и функциям конкретных международных региональных систем; в-третьих, использование для анализа как эмпирически наблюдаемых явлений, так и теоретических конструкций; в-четвёртых, рассмотрение международной региональной единицы в качестве открытой или закрытой системы.

В рамках системного анализа любой международный регион можно рассматривать также с позиций системно-элементного, системно-функционального, системно-коммуникационного, системно-интегративного, системно-исторического подходов. Каждый из них позволяет выявлять соответствующие структурно-функциональные параметры международных региональных систем.

Особую роль в рамках системного моделирования региональных процессов следует обращать внимание на способность международной региональной системы проявлять свойства, не присущие ни одному из входящих в её состав элементов, а также способность вновь созданной системы существенно повышать результативность своей деятельности по сравнению с существовавшей ранее суммой элементов, не объединённых в систему.

Как известно, объект познания как система функционирует в среде и взаимодействует с другими системами. Из этого положения вытекает целый ряд важных выводов. Во-первых, в основе системы должен лежать материальный объект. Во-вторых, так как человек вырабатывает свой способ отношения к действительности и собственному бытию посредством определенных психических процессов, то появляются нематериальные духовные системы, ориентированные на человека и взаимосвязанные с материальными. В-третьих, структура системы определяется сформулированной целью, так как каждая система состоит из ряда специфичных по решаемым задачам элементов. Таким образом, под системой можно понимать особую организацию специализированных элементов, объединенных (или объединяемых) в единое целое для решения конкретной задачи или выполнения определенной функции. Основное качество системы (целостность) заключается в несводимости её свойств к свойствам элементов, и наоборот. Иными словами, система – аналитически созданный объект анализа, характеризующийся рядом переменных факторов, не теряющих идентичности с течением времени, т.е. система – это общность элементов, отличающаяся от составляющих её единиц.

Системе присуще свойство развиваться, адаптироваться к новым условиям путем создания новых связей между элементами системы, а также элементов системы (подсистемы) со своими локальными (частными) целями и средствами достижения. Отношения между составляющими системы или её внешним окружением категорируются по степени различия, амбивалентности и являются отношениями тождества, различия, противоположности (или противоречия). Любое из несовпадений между составляющими системы на качественном уровне может вылиться в нечто новое (новое качество или новый элемент), не присущее изначальной системе. Организуясь как самостоятельное, это образование несёт в себе категорию отрицания. Цикл завершается сосуществованием двух образований – старой системы и нового образования, приобретающего законченную форму, и быть может, становящегося новой самостоятельной системой. Источником нового в системе могут быть как внутренние противоречия между элементами системы, так и внешние – между системой и средой.

Теория систем позволяет рассматривать всю систему как совокупность участников со своими взаимоотношениями, а взаимодействующие стороны интерпретировать как элементы этой системы со сложными связями между собой.

Основными свойствами любой системы являются: взаимосвязь среды и системы (внешняя характеристика системы); целостность, определяющая ее внутренние свойства (характеристики), т.е. внутреннее единство, принципиальная несводимость свойств системы к сумме свойств составляющих ее элементов; гомеостаз, т.е. соблюдение некоего динамического равновесия, гарантирующего поддержание параметров в определенном диапазоне; информационность, т.е. методы воплощения информационной сущности сигналов и способов кодировки передаваемых системой сообщений (семантика и семиотика системы).

При применении теории систем нам также понадобится определить следующие понятия:

Состояние системы – совокупность параметров, характеризующих функционирование системы, которая однозначно определяет её последующие изменения;

Структура – совокупность функциональных элементов системы, объединённых определёнными связями;

Модель – специально синтезированный для удобства исследования объект, который обладает необходимой степенью подобия исходному, адекватному целям исследования;

Движение системы – изменение состояния системы, обусловленное внешними и внутренними причинами;

Управление системой – особым образом ориентированное воздействие на систему, которое обеспечивает придание ей требуемых свойств или состояний.

Ещё одним важным свойством системы является её безопасность. Понятие безопасности имеет две стороны – внешнюю, т.е. определяющую воздействие объекта на среду, и внутреннюю, т.е. характеризующую свойства сопротивляемости объекта по отношению к действиям среды. Таким образом, внешняя безопасность – это способность системы взаимодействовать со средой так, чтобы не происходили необратимые изменения или нарушения важнейших параметров, характеризующих допустимое состояние среды. Внутренняя безопасность – характеристика целостности системы, т.е. способность системы поддерживать своё нормальное функционирование в условиях внешних и внутренних воздействий. Следовательно, задачей безопасности является определение угрозы распада системы в целях своевременного принятия мер по недопущению этого процесса.

Вне зависимости от того, является ли система естественной или искусственной, планируемой или существующей, она отражает некоторую объективную реальность. Иными словами, функционирующая система обладает свойствами, носителем которых является существующая реальность. Однако оценивать эти свойства может только надсистемная структура, т.е. для вынесения суждения о системе (подсистеме) надо выйти из неё (показатель качества системы есть мера субъективной оценки объективной действительности).

Системный подход становится достоянием науки о международных отношениях с середины 50-х годов XX в., хотя многие из положений теории международных отношений были разработаны и раньше. Однако особенно широкое распространение системные идеи получили после выхода работ классиков политической науки Т. Парсонса и Д. Истона, в которых политическая система рассматривалась в виде определенной совокупности со своей внешней средой через механизмы «входов» и «выходов» в соответствии с базовыми идеями кибернетики. Исследователи определили, что международные отношения имеют свою специфику – по характеру они являются социальными отношениями, а значит, международные системы и подсистемы относятся к типу социальных систем. Это означает, что они должны рассматриваться как сложные адаптирующиеся системы, анализ которых невозможен по аналогии с анализом моделей механических систем. Эти системы, как правило, принадлежат к типу открытых и слабоорганизованных, т.е. в них сложно провести четкую границу и подвергнуть анализу систему в отрыве от среды, и наоборот. Пространственные границы таких систем носят вполне условный характер. Подсистемы Европы или Азиатско-Тихоокеанского региона хотя и отличаются характером своих отношений со средой, однако не только существуют в реальности, но и имеют некоторые пространственные границы, часто весьма условные. Это в той или иной степени верно для всех региональных международных (под)систем. Они

представляют собой не просто аналитические объекты, а конкретные связи между реально существующими социальными общностями, взаимодействие которых имеет определенные черты системной организации.

Еще одна особенность международной системы отношений связана с тем, что её основные элементы представлены социальными общностями (включая отдельные индивиды), т.е. они являются социальными системами особого типа со слабой степенью интеграции элементов в целостность и со значительной автономией элементов. Третья особенность связана с тем, что международные отношения являются по преимуществу политическими отношениями, главным звеном которых являются межгосударственные отношения.

Общая теория систем, разработанная в общественных науках, рассматривалась в наиболее радикальной форме применительно к международным отношениям американским исследователем М. Капланом в классической книге «System and Process of International Relations» (N.Y., 1964). Впоследствии с резкой критикой этого подхода выступил другой классик теории международных отношений К. Уолтц в своих работах «Theory of International Relations» (L., 1975) и «Theory of International Politics» (Reading, 1979). После того как подход К. Уолтца стал фактически общепринятым в науке о международных отношениях (пусть в некоторых странах он напрямую и не ассоциировался с его именем), подход М. Каплана был подвергнут критике практически всеми западными авторами, которые сколько-нибудь серьезно занимались теорией международных отношений. Однако без краткого анализа концепции М. Каплана непонятно, что из системной теории может применяться и успешно применяется в сегодняшнем теоретическом анализе международной и региональной систем отношений.

Согласно теории М. Каплана и в соответствии с классической теорией систем, система представляет собой некий аналитически созданный объект анализа, который характеризуется рядом переменных факторов, не теряющих идентичности с течением времени. Эта предпосылка позволяет применить системный подход к анализу исторического процесса. Используя свой набор переменных факторов, М. Каплан вычленяет шесть типов международных систем: баланс сил; мягкую биполярную систему; жесткую биполярную систему; систему, состоящую из объектов, обладающих правом вето («unit veto» system); а также иерархическую и универсальную системы, часть из которых не поддается подтверждению историческими примерами, а является простыми аналитическими моделями. Основной посыл М. Каплана в отношении всех систем состоит в том, что система есть явление, которое в определенном смысле отличается от составляющих его обособленных единиц. «Чистый» системный подход и его слабые стороны в плане объяснения явлений международных отношений были

проанализированы К. Уолтцем и рядом других, в том числе и отечественных авторов.

М. Каплан в своих работах, применив функциональный метод анализа социальных явлений Т. Парсонса (Парсонс Т. Система современных обществ. М., 1997), также выявил различие между функциями в системе, определив некоторые из них как позитивные, другие – как негативные, а третьи – как функции «иного уровня» (в его терминологии «ступенчатого уровня» (step-level, т.е. уровня, повышающего на ступень). Согласно такой классификации, при одних отношениях между объектами международных отношений сохраняется статус-кво, другие отношения частично его изменяют, а третьи +(на 2 уровне другой ступени) влияют на систему в целом (скажем, на уровне подсистем или элементов системы) и трансформируют её в новую систему. В концепции М. Каплана важна также идея о том, что единица анализа представляет собой и систему, и подсистему одновременно.

Вместе с тем модель баланса сил в системе М. Каплана является некоей международной системой без политических подсистем с пятью или более участниками (другие аналитики говорят о двух-трех участниках), а также определёнными правилами, по которым играют эти участники. Правила состоят в следующем: участники стремятся увеличить свои возможности и, не желая потерять это преимущество, предпочитают вести борьбу; они прекращают борьбу, если появляется опасность уничтожения всех участников; любое государство будет препятствовать чрезмерному усилению другого государства или коалиции государств; любое государство будет препятствовать объединению других государств в целях создания наднациональной организации; потерпевшим поражение государствам разрешается вновь вступить в систему. На практике некоторые из этих посылок не подтверждаются на эмпирическом уровне; кроме того, правила зависят от таких вспомогательных понятий, как возможности и мощь, которые трудно поддаются количественному измерению. В то же время определённые важные предположения, сформулированные в рамках этого подхода, при должной модификации хорошо применяются при анализе международных отношений, а значит, продолжают активно использоваться практиками.

Существуют и другие подходы к международным отношениям как системе, из которых наиболее известными являются традиционно-исторический (международная система – это дипломатические отношения между государствами в тот или иной исторический период), историко-социологический (с идеей социальной детерминированности конкретной исторической системы международных отношений), структурный (выделяются исторические системы международных отношений, основанные на различиях структуры), эмпирико-

региональный или, в другой терминологии, социоестественный (определенные географические регионы, как (под)системы), структурно-дипломатический (система – это понимание, предположения, усвоенные навыки, виды реакции, правила, нормы и процедуры, приобретаемые и используемые факторами при осуществлении их различных индивидуальных целей в рамках совместной практической деятельности). Общим или наиболее важным во всех этих подходах является вычленение общей (планетарной) системы международных отношений, т.е. самодостаточной системной целостности, позволяющей описывать и анализировать международные отношения вообще.

В 90-е годы некоторые теоретики международных отношений заговорили о настоятельной необходимости разграничить общие и частные проблемы систем международных отношений. Связано это было с нарастанием тенденций к глобализации, с одной стороны, и регионализации, и региональной фрагментации, с другой.

Под глобализацией здесь и далее понимается возникновение новой системы мирового хозяйствования, заключающейся в слиянии национальных экономик в единую общемировую систему, основывающуюся на новой ступени либерализации движения товаров и капитала, новой информационной открытости мира, технологической революции телекоммуникационном сближении регионов и стран, возникновения межнациональных социальных движений, интернализации образования, сопровождающейся стандартизацией процессов глобального управления, политических интересов, культуры и ценностей, информационных и коммуникационных потоков и выражающейся в параллельно идущих процессах регионализации и фрагментации мира. Некоторые аналитики (В. Федотова, к примеру) вообще понимают глобализацию как новый процесс социальной трансформации, который вытесняет выбор путей отдельных обществ в их локальные пространства.

Под регионализацией понимается формирование экономических связей в регионе на основе географической расположенности государств, а под регионализмом – формирование экономических сообществ близко расположенных государств посредством торговых соглашений преференционного типа. Некоторые аналитики под регионализмом (точнее международным регионализмом) понимают взаимозависимость стран и выход интересов национальных субъектов за их границы, но в региональных рамках.

Как уже отмечалось, и в самой теории систем международных отношений указывается на возможность рассмотрения частей «большой системы» в качестве подсистем – несмотря на определенную целостность планетарной международной системы, в ней неизбежны онтологические разрывы, обусловленные тем, что ряд международных взаимодействий не вписывается в неё и обладает определенной

автономией, а также и тем, что существуют частные закономерности, связанные со спецификой (прежде всего географической, территориально-экономической, цивилизационной, культурной, этнопсихологической) функционирования частей системы, т.е. подсистем. Эти более узкие (частные) закономерности описывают функционирование региональных и субрегиональных подсистем, т.е. совокупности специфических международных взаимодействий, в основе которых лежит общая географическая и культурно-цивилизационная принадлежность. Так проблематика теории систем была воспринята регионоведением, во всяком случае теми представителями этой дисциплины, изучающей закономерности процесса формирования и функционирования социально-экономической системы регионов мира с учетом исторических, демографических, национальных, религиозных, экологических, политико-правовых, природно-ресурсных особенностей, места и роли в международном разделении труда и системе (подсистемах) международных отношений.

РАЗДЕЛ II. Процесс интеграции и деятельность региональной подсистемы на американском континенте

Гигантские перемены планетарного масштаба на рубеже XX – XXI вв. не могли не оказать воздействия на региональную интеграцию. В данном контексте стоит выделить три фактора, так или иначе повлиявших на определенную эволюцию ряда тенденций, хотя и не одновременно, а именно: взрывной рост геостратегической силы большого северного соседа, обусловленный окончанием обременительной для него холодной войны; ускорение и расширение объединительных процессов в Европе, менявших расклад мировых сил, а также кризис модели догоняющего развития в комплексе «азиатских тигров». Всё это заметно повысило роль совместных защитных действий, укрепления совокупности потенциала обеих частей Америки.

В интеграционном процессе на континенте в большей степени в своём развитии нуждалась Латинская Америка. Однако её непосредственная близость к главной мирохозяйственной державе США не только не создавала благоприятных условий, особенно для формирования системы «сообщающихся сосудов», но, наоборот, ухудшила возможности и положение богатого ресурсами региона, превратив его в «дойную ламу». Подобной ситуации способствовал и использовавшийся сильным соседом давний принцип «разделяй и властвуй». До середины XX в. Латинская Америка представляла собой сложный конгломерат разрозненных, подчас враждующих между собой субъектов хозяйственных связей. Нетрудно понять, что в подобной роли они легко становятся объектом ресурсной и финансовой эксплуатации северного гиганта. Ему не нужна сильная Латинская Америка, способная превратиться в нежелательного конкурента. А та, в свою очередь, больше не хочет оставаться для него универсальным амортизатором. Отсюда явная тяга к объединению усилий, созданию своеобразного оборонительно-наступательного «единого фронта».

Латиноамериканская интеграция как фактор установления прежде всего экономических и социально-политических ориентиров в последние десятилетия ушедшего века развивалась по сложному и противоречивому пути, у неё были периоды и подъема, и спада. Заметное ослабление коллективных защитных механизмов произошло в 80-х годах. В дальнейшем положение изменилось, но трудности не исчезли, приняв лишь новые формы.

Быстрые и масштабные перемены в экономической, политической социальной и культурно-духовной жизни в глобализующемся мире ставят Латинскую Америку перед лицом новых вызовов, связанных, в частности, с опасностью недостаточной управляемости современными, подчас хаотичными,

мирохозяйственными процессами. Они порождают одновременно и растерянность, и желание искать механизмы преодоления новых угроз, со многими из которых можно справиться только сообща. Поэтому региональная интеграция ныне, когда идут поиски оптимальной стратегии развития, приобретает особую значимость и актуальность.

В 90-х годах XX в. побудительным мотивом интеграции явились аналогичные процессы в других частях планеты. Глобализация, предполагающая размывание национальных границ, парадоксальным образом сопровождается нарастанием регионализма почти повсюду. Для перспектив Латинской Америки важна эволюция Евросоюза, участники которого переключают торговые связи с третьими странами, в том числе латиноамериканскими, на внутрizonальные отношения. Их доля возросла с 37% в 1960 г. до 63% в 2000 г. (у некоторых членов – еще выше) и продолжает увеличиваться, что сужает внешние рынки для стран региона.

В основе латиноамериканской интеграции изначально лежали причины как экономического, так и политического характера, и лишь рассматривая эти аспекты в их совокупности и взаимозависимости, можно правильно уяснить сущность и направленность объединительных процессов на континенте.

В начале 60-х годов, в регионе были созданы две интеграционные структуры – Латиноамериканская ассоциация свободной торговли (ЛАСТ), объединившая десять стран Южной Америки и Мексику, и Центральноамериканский общий рынок (ЦАОР) – пять участников. Началась либерализация торговых режимов, взаимодействие обособленных рынков, позволившее заметно увеличить объемы валютных поступлений от экспорта, наметилась координация индивидуальных торгово-финансовых курсов. В рамках ЛАСТ развернулось движение в сторону кооперирования и специализации промышленности, в результате чего доля промышленных изделий в субрегиональном экспорте возросла с 17% в 1961 г. до 28% в 1970 г. и 49% в 1980 г.

Еще больший динамизм отмечался в ЦАОР, где в течение первого десятилетия основная часть субрегионального товарооборота была освобождена от таможенных пошлин, и внутрizonальный экспорт увеличился в восемь раз. В последующее десятилетие произошло его трехкратное нарастание. Доля готовых изделий и полуфабрикатов достигла половины стоимости субрегиональных торговых операций. А дальше произошел спад.

В целом по Латинской Америке темпы роста ВВП в 60-70-х годах были наивысшими за вторую половину XX в. – в среднем 6% в год.

Концентрированным выражением тернистого пути латиноамериканской интеграции может служить история ЦАОР, по существу, первого торгово-

экономического блока в развивающемся мире. Схожесть природно-климатических условий, структур хозяйства и ряд других факторов давали основание полагать, что здесь осуществление намеченных программ может произойти в короткие сроки. Однако реальность оказалась иной. Важное стратегическое расположение данных стран на стыке двух океанов и опасения внешних и внутренних антинациональных сил, что в центре Западного полушария сможет возникнуть солидарный блок, способный проводить согласованную самостоятельную политику, помешали общей цели. За более чем 40 лет развития, отягощенного жестокими гражданскими войнами и государственными переворотами, усилением поляризации общества, общий рынок так и не был создан. Ныне на очереди стоит задача формирования таможенного союза и зоны свободной торговли с США.

«Потерянное десятилетие» 80-х годов в Латинской Америке оказалось кризисным и для её экономики, и для региональной интеграции, причем практически для всех блоков. Спад, охвативший индустриальные государства, обернулся сокращением рынков сбыта для латиноамериканских стран, что усугубило их положение. Возобновилось переосмысление интеграционного движения, выявление особенностей и слабых мест на пройденном пути – как экспертами ЭКЛА, так и аналитиками блоковых структур.

Одна из обнаруженных закономерностей всех латиноамериканских интеграционных блоков заключалась в том, что у них отмечался явный первоначальный рывок. Столь высока была потребность во взаимных торгово-экономических связях, что темпы роста регионального сотрудничества резко превышали прирост общих аналогичных показателей континента, причём чем меньше блок, тем скачок был очевиднее. Но затем происходило замедление процесса, кое-где наступал застой и даже кризис. Причин тому немало, их набор был разным в разных странах, но наиболее характерными являлись следующие:

- трудности в формировании коллективной схемы разделения труда внутри сообщества, отсутствие синхронизации интеграционных усилий государства, разные сроки в осуществлении принятых решений;

- стремление копировать интеграционный маршрут ЕС, модель сотрудничества индустриальных стран, не всегда подходящую для развивающихся государств;

- несовпадение задач и целеустановок у национальных компаний и ТНК;

- торможение элементов объединительных процессов, не отвечающих интересам и замыслам США.

Периферийное, зависимое положение Латинской Америки исторически придавало региональной интеграции особую значимость. На неё возлагались и продолжают возлагаться большие надежды для решения многих задач

внешнеэкономического характера, тем более что эти задачи имеют тенденцию к усложнению. Если на первых этапах речь шла в основном о расширении рынков сбыта, «облагораживании» производства и структуры экспорта, а также о самодостаточном кредитовании, то в последнее время вопрос об углублении регионального сотрудничества рассматривается в более широком ракурсе, с позиции обеспечения экономической безопасности.

Причин для подобной модификации немало, но если попытаться найти для неё обобщающую формулу, то она могла бы свестись к тому, что мир становится всё более жестким и всё менее управляемым, а периферийные страны – всё более уязвимыми. В условиях обостряющейся глобальной конкуренции, региональная интеграция, основывающаяся на регулируемом процессе сотрудничества и приспособления национальных хозяйств к новым мирохозяйственным отношениям, представляет собой коллективный механизм обеспечения экономической безопасности. В её перечень входят такие категории, как внешние инвестиции и заимствования, новые технологии, взаимодействие с ТНК, экология, использование опыта других государств и ряд новых компонентов.

Проблема финансирования экономики всегда относилась к числу наиболее острых в регионе, чем и объясняется то, что с самого начала она заняла важное место в интеграционных замыслах. В ЦАОР вскоре после его образования был создан Центральноамериканский банк экономической интеграции, призванный обслуживать субрегиональные проекты. В середине 70-х годов руководителями Андской группы были основаны Андский резервный фонд и Андская система финансирования торговли, нацеленные на преодоление трудностей кредитования и стимулирования совместных деловых операций. В рамках ЛАСТ появился Финансовый фонд развития, в КАРИКОМ – Карибский банк развития. Растущая доля взаимной торговли финансировалась с помощью местной системы платежей.

В кризисные 80-е годы впервые прозвучала идея создания Латиноамериканского валютного фонда по типу МВФ, который осуществлял бы кредитование наиболее важных для региона проектов. Однако из-за ряда внешних и внутренних препятствий данная идея не обрела материальное воплощение. Она вновь зазвучала на рубеже столетий, но прежние препоны – неудача при выработке совместной позиции по отношению к внешнему долгу, давление извне и отсутствие собственных средств в условиях огромного долгового бремени – опять отодвинули в будущее реализацию этого важного замысла.

В значительной степени такая фокусировка связана с «долговой ловушкой», в которую попали почти все латиноамериканские страны. Если в 1991 г. сумма внешнего долга региона составляла 460 млрд. долл. (24 млрд в 1971 г.), то в 2000 г. она достигла 740 млрд. что затрудняет или даже исключает возможность

экономического маневрирования. По существу, отдельные страны вступили в полосу вялотекущего дефолта, а некоторые находятся на подходе к нему.

Хозяйственная слабость и обременённость долгами латиноамериканских стран выгодны финансовым структурам США, их международному координатору МВФ (США – главный акционер). Ведь им можно диктовать «стабилизационные программы» (например, Аргентине) и даже навязывать политические условия. Поэтому значительный резонанс получила в регионе идея нового президента Эквадора Л. Гутьерреса о том, что необходимо создать «клуб должников» из стран региона, страдающих от бремени непосильной внешней задолженности («так нас скорее услышат»), и тем самым противостоять давлению МВФ. Ведь не может нормально развиваться экономика государства, в частности Эквадора, считает его глава, если 40% национального бюджета идет на обслуживание внешнего долга.

Мировые процессы в начале XXI в. неразрывно связаны с непрерывно возрастающей силой ТНК, с активизацией участия их дочерних предприятий и филиалов в экономической жизни стран пребывания. Стоит учитывать, что на их совокупную сеть приходится 25% мирового ВВП, продажи их зарубежных филиалов почти на 60% выше объема международного экспорта, а 1/3 глобального международного экспорта осуществляется на базе внутрикорпорационных поставок. У пищевого гиганта «Нестле» на внутренний рынок приходится лишь 5% производства, остальное – на зарубежные филиалы, включая те, что разбросаны по всей Латинской Америке. Закономерно, что ТНК стали участниками интеграционного движения разного масштаба, в том числе и на периферии. Их заинтересованность в латиноамериканской интеграции была отмечена ещё на самом начальном этапе данного процесса, тем более что руководители первых региональных объединений рассчитывали на транснациональную финансовую поддержку своих проектов.

Однако ТНК, естественно, руководствовались своими корпоративными задачами, далёкими от национальных интересов объединявшихся периферийных стран. Их представители вошли в руководящие органы региональных структур, преследуя свои узкокорыстные цели. Они пользовались преимуществами и льготами внутрizonальной либерализации, прямо или косвенно оттесняя местные компании на второстепенные позиции. ТНК в союзе с местными крупными компаниями и банками стали главными получателями торгово-экономических выгод от интеграции: мелкий и средний бизнес, по существу, оказался за бортом объединительных процессов.

Либеральный курс 80-х годов привёл к двум значимым для общего развития региона последствиям – расширению сфер деятельности ТНК при относительной умеренности их инвестиционных проектов и ослаблению реального внутреннего

сотрудничества в основных интеграционных группировках. Допуск ТНК на основе широко проводившейся приватизации к ранее запретным для них сегментам экономики внес элементы дезорганизации и деформации в межнациональную кооперацию.

Крупный приток финансовых средств со стороны ТНК в конце 90-х годов не обеспечил ни укрепление национальных хозяйственных интересов, ни региональной экономической безопасности. Об этом свидетельствует ряд негативных фактов – слабая динамика ВВП Латинской Америки – 0,3% в 2001 г. и снижение на 0,5% в 2002 г.; глубокий финансово-социальный кризис в Аргентине – падение темпов роста на 4,4% в 2001 г. и на 11% в 2002 г., тяжелое состояние региональной подсистемы Меркосур, трудности в Андском сообществе и ЦАОР. Характерно, что уже в 2002 г. приток иностранного капитала в Латинскую Америку сократился на 33% по сравнению с предшествующим годом.

Усиливающийся процесс глобализации с его резко обострившейся конкурентной борьбой, в том числе и между ТНК, о чём свидетельствует количество их слияний и поглощений, а также приватизации, допустившей ТНК в стратегические отрасли экономики, выдвигает новые требования к целям и механизмам региональной интеграции. В регионе всё громче звучат голоса тех, кто говорит о необходимости подчинения интеграционных процессов национальным интересам.

Опыт Меркосур, как, впрочем, и других субрегиональных объединений показал, что интеграция может быть действенным инструментом стабильности, но вместе с тем она способна из стимулятора хозяйственного роста превратиться в переносчика опасных кризисных явлений. Подобная «инфекционная» ситуация сложилась в начале первого десятилетия нынешнего века, когда финансово-экономический кризис в Аргентине стал распространяться на партнёров, вызвав тем самым общий спад в этом сообществе.

Предпринимаются усилия по сближению Меркосур с Андским сообществом, два члена которых – Чили и Боливия уже являются ассоциированными участниками Меркосур. На Совете Меркосур, состоявшемся в декабре 2002 г., было принято решение о сближении двух блоков, призванном повысить качество жизни южноамериканских народов. В подписанном рамочном соглашении отмечалось, что переговоры о создании общей зоны свободной торговли должны быть завершены к концу 2003 г. Тревожной проблемой для обоих сообществ является безработица (в Бразилии в то время официально зарегистрировано 8 млн безработных), которую способны смягчать совместные проекты.

Глубокие перемены, происшедшие в 2002 г. в политической жизни Бразилии, позволяют иметь перспективы как в рамках Меркосур, так, пожалуй, и

в масштабе всей Южной Америки. В своей инаугурационной речи в начале января 2003 г. новый президент страны Инасио да Силва уделил особое внимание южноамериканскому сотрудничеству в контексте проблем политической стабильности, экономического застоя, необходимости роста экспортной торговли и создания новых рабочих мест.

В свою очередь президент Венесуэлы У. Чавес выдвинул идею создания новой модели интеграции в Южной Америке, основанной на общности проблем и целей. Он выступал за скорейшее объединение Меркосур и Андского общества, за формирование «Лиги республик» в качестве альтернативы американским планам интеграции.

Не остается в стороне от интеграционных процессов и Куба. В декабре 2002 г. между Бразилией и Кубой было подписано соглашение о преференциальных тарифах, так или иначе меняющее конфигурацию Меркосур. Льготные пошлины на ввоз на Кубу свыше 240 наименований бразильских товаров и примерно на 200 кубинских товаров, поступающих на рынок Бразилии, представляют собой первый шаг на пути соответствующего соглашения с Меркосур в целом.

Среди перспективных задач блока стоит выделить две: политическую – формирование парламента Меркосур и экономическую – создание единой валюты. Изучение опыта ЕС подсказывает, что там после «черного сентября» 2001 г. разразился бы валютный кризис, если бы не существовало единой валюты, предотвратившей хаос. В Меркосуре принято решение об образовании Института валюты.

В то же время, в северной части американского континента начали быстро расти торгово-экономические и инвестиционные связи, которые, создали принципиально новый баланс сил и интересов, тенденций развития в мирохозяйственных отношениях в целом.

Первые заметные сдвиги обозначались в 1999 г. на международном форуме в Сиэтле, где происходили массовые протесты, в частности, против режима либерализации в рамках североамериканского суперсоюза. Парадокс заключался в том, что в числе протестующих находились представители профсоюзов США, выступавших против наплыва дешёвой рабочей силы со стороны южного партнера.

Главные тревожные сигналы стали исходить из Мексики, где снижение таможенных преград вело к росту импорта нежелательной аграрной продукции. Под наплывом более конкурентоспособных американских продовольственно-сырьевых товаров сельское хозяйство страны оказалось в трудном положении. Более свободный доступ на мексиканский рынок 40 аграрных продуктов, в том числе птицеводческой продукции, которую страна издавна успешно сбывала на внутреннем рынке и даже экспортировала на рынки своих южных соседей, привел

к подрыву местного производства. Вопреки обещаниям правительства создать новые рабочие места начала расти безработица. Тысячи крестьян стали требовать приостановки ввода в действие ряда статей соглашения с НАФТА, перекрывая дороги и организуя марши протеста. Одновременно их представители призывали увеличить ассигнования на развитие местного производства, учитывая наличие крупных субсидий для фермерства в Соединенных Штатах.

Ситуация осложнилась с 1 января 2003 г., когда вступило в силу положение НАФТА о снижении пошлин на 20 аграрных продуктов, включающих все виды зерновых, масличные и свинину. Мексиканское сельское хозяйство оказалось неготовым к свободной рыночной конкуренции с США (впрочем, с Канадой тоже). Некоторые аналитики называют данную проблему бомбой с часовым механизмом. Необходимость новых переговоров в рамках НАФТА по торговле сельскохозяйственными товарами, которые занимают важное место в экспорте всех трех участников блока, превратилась в острую и неотложную проблему.

О значении для США НАФТА, а значит, и Мексики, говорит тот факт, что президент Дж.Буш свой первый зарубежный визит после вступления в должность совершил в эту проблемную страну. Помимо обсуждения энергетического проекта «От Юкона до Юкатана», порожденного энергетическим кризисом в Калифорнии в 2000 г. и ненадежной ситуацией в Персидском заливе, предметом его переговоров стал болезненный вопрос об иммиграции.

Зона свободной торговли НАФТА предусматривает перемещение не только товаров и капиталов, но и рабочей силы. Между тем, этот последний пункт, издавна беспокоит северного партнера в связи с большим количеством проживающих на его территории нелегальных выходцев из Латинской Америки. Перед визитом Дж. Буша в Мексике была опубликована программа, в которой, в частности, говорилось о готовности страны открыть границу для выходцев из Центральной и Южной Америки при условии получения ими легального статуса и о возможности предоставить права гражданства нелегально проживающим в Мексике латиноамериканцам. Расчет был сделан на то, что и США сделают в ответ подобный шаг. Однако данная острая для северного соседа проблема по сей день не решена.

В свободном передвижении рабочей силы кроется немалая опасность объединительных процессов, особенно если речь идет о партнерах с разным уровнем и качеством жизни. В НАФТА сложилась парадоксальная ситуация. По мере либерализации экономических связей ужесточался пропускной режим на границе США с Мексикой: от усиления таможенного контроля до проволочных заграждений со сторожевыми вышками, вооруженных солдат, радарных установок, самолётов и т.д. Ежегодно при попытке пересечь северную границу гибнут сотни мексиканцев.

От того, какие компромиссы будут найдены, зависит дальнейшее развитие НАФТА, хотя при всём этом само существование трёхсторонней зоны свободной торговли, каким бы конфликтным оно ни было, не подвергается сомнению.

Длительное время США предпочитали действовать в Латинской Америке по формуле двусторонних отношений, считая её для себя наиболее эффективной. Постепенно, отношение к интеграции южных соседей как фактору стабилизации их беспокойного тыла менялось, особенно в связи с перспективой возникновения АЛКА, понятно, под эгидой Вашингтона.

В данных обстоятельствах отношение Соединенных Штатов к интеграции с Латинской Америкой стало не таким однозначным, как в предшествовавшее десятилетие. Изменились их геополитические приоритеты, на передний план выдвинулись ближневосточные проблемы. Переговоры относительно создания АЛКА замедлились, отчасти уступили место институциональным контактам по схеме страна – страна или страна – субрегион, например США – ЦАОР.

Подобное замедление не означает официального изменения срока завершения переговоров по АЛКА – 2005 г., но ход этих, заранее можно сказать, непростых переговоров, их характер и накал во многом будут зависеть от двух основных аспектов – с одной стороны, от содержания внешнеполитических обещаний, в период предвыборной президентской кампании 2004 г. в США, а с другой, от уровня компромиссов при переговорах с лидерами Меркосур (особенно с учетом позиции нового президента Бразилии, заявившего о необходимости превратить свою страну и блок в целом из объекта интернационального мира в его активного субъекта, защищать национальные и межнациональные интересы, обеспечивать региональную безопасность).

Одно из острых разногласий между США и Меркосур по-прежнему связано с американскими сельскохозяйственными субсидиями, наносящими большой урон южноамериканскому экспорту и противоречащими принципам рыночных отношений. И, конечно, с опасениями, продиктованными общим разрывом в конкурентоспособности разнородных экономик.

В собирательной форме озабоченность по этому поводу высказал президент Венесуэлы У. Чавес, заявивший о необходимости пересмотра модели АЛКА. По его мнению, при объединении следует учитывать весьма различный уровень экономического развития договаривающихся стран и масштаб накопленных в Латинской Америке острых социальных проблем. В противном случае государства региона окажутся в невыгодном, проигрышном положении, а посему не следует торопиться с созданием общей торговой зоны. В совместном заявлении президентов Бразилии и Венесуэлы подчёркивалась важность координации действий южноамериканских стран для достижения сбалансированных результатов при переговорах в рамках АЛКА.

Эти и другие факты свидетельствуют о трудностях, которые предстояло преодолеть при образовании полупланетарного торгового сообщества.

Уместно заметить, что серьезной и нарастающей проблемой, как уже показал опыт первого эшелона АЛКА – североамериканского общего рынка НАФТА, становится режим движения рабочей силы, его либерализация. Последствия глобализации, включая распространение научно-информационных технологий, усиление имущественного расслоения, образование огромных масс обездоленных людей, рост безработицы, породили большие потоки беженцев, легальных и нелегальных иммигрантов. Проблема беспрепятственного перемещения рабочей силы как составного элемента правового фундамента зоны свободной торговли осложнились после «черного сентября» 2001 г., как уже отмечалось выше, США усилили охрану своих границ с Канадой и Мексикой.

Прежде проблема избыточных рабочих рук смягчалась за счет крупнейших стран региона, прежде всего Аргентины, особенно в периоды сезонных работ. Ныне эта страна перестала быть центром притяжения для иммигрантов. Более того, сами аргентинцы, спасаясь от безработицы, начали устремляться на рынок труда в США. А там уже стали возводиться реальные барьеры против наплыва нежелательных лиц, в том числе против временных и постоянных переселенцев из Мексики. Одна из первостепенных задач современных американо-мексиканских отношений – заключение специального соглашения о режиме пересечения границы и юридическом статусе оказавшихся на территории США мексиканцев. Тревожит американские власти и приток беженцев из других латиноамериканских стран.

Тем не менее, АЛКА остается для Вашингтона сейчас, и особенно в перспективе, важной стратегической задачей. Создание полупланетарной торгово-инвестиционной зоны должно помочь США оформить в XXI в. в качестве геоэкономического и политического суперлидера. Немаловажным импульсом в этом смысле становится усиление ЕС с его крепнувшей резервной валютой евро, выступающего в качестве реального конкурента США, а также вырисовывающиеся интеграционные процессы в других частях мирового хозяйства.

Латиноамериканская интеграция – это не простая сумма товарных и инвестиционных рынков, а новое качество воспроизводственных механизмов; это объективный процесс, часть современной экономической политики, где-то даже вопрос выживания в обстановке жесткой мирохозяйственной конкуренции. Не случайно все недавно избранные главы государств континента в той или иной мере затрагивали вопросы интеграции, совместных действий.

Интеграция позволяет осуществлять экономическое развитие на собственном фундаменте, на региональных инвестиционных и рыночных

источниках. Её сторонники в Латинской Америке рассматривают взаимное сотрудничество как способ обеспечения экономической самостоятельности и серьезную предпосылку ослабления зависимости от хозяйственной конъюнктуры мировых процессов.

Развитие подобной тенденции может подкрепляться опытом ЕС, где в результате регионального сотрудничества и кооперирования резко возросли внутрисоюзные отношения и ослабла зависимость от торговых связей с третьими странами, в первую очередь с развивающимися государствами. Кстати, такой ход событий ещё больше повышает значение интеграционных процессов для Латинской Америки.

Надо полагать, что при возможных в будущем трудностях и даже отступлениях интеграция будет носить в целом необратимый характер.

Приход в Белый Дом в 2016 года президента Д. Трампа изменил ориентиры США в интеграционном процессе в Северной части Америки и в целом на континенте. Преемствуя внешнеполитическому курсу президента Обамы новая администрация усилила давление на страны Южной и Центральной Америки. Расширяя политику «американизма» (читай политику «Доктрина Монро»), широко используя возможности организации американских государств, президент Д. Трамп одновременно усилил внимание к внутренней политике «американизма». Этот тактический манёвр призван решить «двуединую» задачу: опираясь на огромные ресурсы Латинской Америки сохранить лидерство США на планете. Подконтрольная им региональная подсистема международных отношений на американском континенте работает на укрепление позиций США в конкретной борьбе с Китаем и другими ведущими странами мира.

РАЗДЕЛ III. Процесс региональной интеграции в Европе на современном этапе

После двух мировых войн Европа выбрала путь экономической и политической интеграции, способствующей миру на континенте. Во второй половине XX в. здесь сформировался один из трёх мировых полюсов экономического и технологического развития. У истоков европейской интеграции стояли различные политические и общественные деятели. Уинстон Черчилль, выступая в Цюрихе 19 сентября 1946 г. на церемонии вручения очередного почетного диплома, призвал к европейской интеграции:

«Европейцы должны, насколько это возможно переделать здание Европы, чтобы встроить его затем в международную структуру, способную обеспечить мир... время не ждёт. Воспользуемся передышкой, чтобы создать Соединенные Штаты Европы. Может быть, это будет называться иначе. Неважно. Главное начать сегодня же. Я вас умоляю: давайте двигаться в этом направлении».

Фундаментальной основой европейской интеграции, несомненно были и остаются социокультурная близость европейских народов и общность их исторических судеб. Со времен Средневековья Европа представляла собой культурное целое, объединившееся христианской религией и латинским письмом. Европа для народов других континентов выступала как единый центр, откуда по миру распространялись европейские ценности.

Двигателем интеграции в Европе выступают страны, в которых доминируют католики и протестанты, т.е. отсутствуют конфессиональные границы в душах людей. Конфессиональные рубежи делят славян на католиков, православных и маргиналов по вере и крови (греко-католики, боснийцы, помаки). Славяне-католики (поляки, чехи, словаки, словенцы) относительно успешно интегрируются в Западную Европу. Сербь, македонцы, черногорцы, болгары принадлежат к другому этноконфессиональному миру. У южных славян выделяются противостояния между католиками и православными, между православными и мусульманами. США как западнохристианский лидер выступает на стороне католиков и мусульман, а Россия, утратившая геополитическую роль на Балканах, остается восточнославянским форпостом.

Отмечаются контрастные исторические различия между Западной и Восточной Европой в типах государственности и собственности, формах хозяйствования и развития общества. ЦВЕ отличается динамизмом государственных границ. Если, например, границы между Испанией и Португалией, Испанией и Францией не менялись свыше 400 лет, то в ЦВЕ только в конце XX в. появилось свыше десяти независимых национальных государств.

По обе стороны цивилизационного рубежа расположены два полюса – государства Германия и Россия. Оба христианских народа, дополняющие друг друга сочетанием глубины и широты души, испытали глубокие потрясения непродуманной модернизации, последствиями которой явились огромные социальные потрясения.

Политическая слабость ведущих европейских стран, в прошлом великих держав, стала одной из причин европейской интеграции. Другая причина – осознание политическими элитами европейских стран катастрофичности результатов двух мировых войн и несовместимость перспектив возрождения Европы с угрозами новых войн на континенте. Третья причина обусловлена начавшейся холодной войной и формированием биполярного мира. США в условия конфронтации с СССР были заинтересованы в крепкой, единой, но и подконтрольной им Европе.

Соединённые Штаты оказали политическую, военную и экономическую поддержку Западной Европе. В результате покровительства, Америка делает своих стратегических союзников зависимыми от своей военной мощи. Поэтому американский политолог З. Бжезинский вынес следующий приговор Европе:

«Горький факт заключается в том, что Западная Европа, а также все больше и больше Центральная Европа остаются в значительной степени американским протектором, при этом союзные государства напоминают древних вассалов и подчинённых. Такое положение не является нормальным как для Америки, так и для европейских государств.»

Если ЕС является одним из мировых экономических центров силы, сопоставимым с США, то в военном отношении Западная Европа значительно уступает своему атлантическому союзнику. В Североатлантическом военном блоке (НАТО) ядерный потенциал Западной Европы в десять раз меньше американского. Поэтому, чтобы вновь стать мировым геополитическим игроком, Западная Европа должна выбирать между расходами на адаптацию новых членов и дальнейшим продвижением на восток, с одной стороны, и увеличением военных статей бюджета, с другой. Однако в вопросе наращивания военной мощи в Европе нет единства. Англия, наиболее преданная союзница США, выступает против усиления военной мощи континентальной Европы. По мнению английских политиков, это автоматически означает увеличение военной мощи Германии со всеми возможными историческими аналогами.

Важной геоэкономической предпосылкой европейской интеграции является сравнительная близость расположенных на континенте государств, большие различия в структурах экономики, обусловленные их географическим положением и ресурсами, и развитая транспортная сеть.

Еще один важный фактор формирования Большой Европы – высокий уровень образования, высокочлассные университеты, составляющие основу европейского инновационного потенциала. Высокий уровень инновационности, а также европейской культуры, **позволяет** сформулировать задачу построения единой Европы и её успешно решать на протяжении многих десятилетий.

Реальный фундамент общеевропейского дома был заложен после разгрома Третьего Рейха в плане Маршалла – программе восстановления и развития Европы, провозглашенной госсекретарем США Дж. Маршаллом (1880-1959). После Второй мировой войны американская модель свободного предпринимательства считалась лучшей, и Соединенные Штаты положили ее в основу Плана. Генерал Дж. К. Маршалл, возглавивший в 1939 – 1945 гг. Генеральный штаб американской армии, понимал важность планирования материально-технических ресурсов. 5 июня 1947 г. в своем выступлении в Гарвардском университете он объявил о программе экономической помощи Европе. Эта помощь предназначалась и Советскому Союзу, принявшему основной удар фашистской Германии. Страны – участницы программы восстановления европейской экономики обязывались способствовать развитию свободного предпринимательства. Таким образом, СССР представлялся уникальным шансом интегрироваться в мировое хозяйство, но он от участия в программе отказался, так как выявились расхождения в подходах к будущему ЦВЕ. План Маршалла ускорил послевоенный раскол Европы.

В 1948 – 1951 гг. Соединенные Штаты выделили по плану Маршалла 16 европейским странам 17 млрд. долл., из них 60% помощи получили Великобритания, Франция, Италия и ФРГ. Созданная на территории объединенной британской, американской и французской оккупационной зоны Федеративная Республика Германия получила в 1946 – 1954 гг. 2,7 млрд. долл. Сумма не астрономическая, но на неё можно было сытно накормить, хорошо одеть и обуть немцев и вновь остаться у разрушенного дома с протянутой рукой. Немцы поступили по-другому. Они не стали слепо выполнять рекомендации по внедрению, казалось бы, идеальной американской модели свободного предпринимательства. Поверженная фашистская Германия лежала в руинах, обеспечив прожиточный минимум, немцы направили основные средства в производство. И каждый американский доллар дал возможность создать ценности на сумму от 10 до 20 долл. Возрождение Германии связано с личностями выдающихся немецких ученых – отца «экономического чуда» Людвиг Эрхарда и духовного лидера послевоенной немецкой нации Карла Ясперса.

Профессор экономики Людвиг Эрхард (1897 – 1977) в 1928 – 1942 гг. работал научным сотрудником и директором Института конъюнктурных исследований в Нюрнберге, а после войны директором управления хозяйством

англо-американской зоны оккупации (Бизонии). С 1949 по 1963 г. являлся министром народного хозяйства и три года – федеральным канцлером ФРГ. Модель социального рыночного хозяйства содержала актуальную и одновременно тривиальную мысль профессора Эрхарда: социальная направленность экономики реализуется не через совершенствование механизма распределения, а через подъем производства. Эта концепция вызвала бурю неприятия со стороны как оккупационных властей, так и социал-демократической партии Германии, выступавшей за централизованное плановое хозяйство. Потребовались гражданское мужество, убежденность ученого и железная логика, чтобы отстоять свободу экономики против государственного вмешательства. Американская военная администрация рассмотрела в социальном рыночном хозяйстве коммунистические идеи. Но помощь Эрхарду пришла неожиданно с востока благодаря «сталинизации» новых стран народной демократии.

Большое значение для возрождения Германии имели немецкий менталитет и отечественная культура рыночных отношений, включая уважение к профессии предпринимателя и к интеллекту. Немцы в целом трудолюбивы и дисциплинированы, основательны и энергичны, добросовестны в любом деле, у них сильно развита любовь к порядку, чувство долга и привычка повиноваться властям, они нередко готовы на большие личные жертвы и проявляют мужество в случае физической опасности. И, пожалуй, самое главное, в послевоенной Германии никто не обещал народу скорого происшествия светлого идеального будущего.

Европейский регионализм предусматривает всё более широкое участие в жизни государств и в европейской интеграции местных и региональных сообществ. Повышение роли регионов базируется на принципах атлантического федерализма, предусматривающего децентрализацию, освобождение гражданского общества из-под опеки государства. Сущность европейского регионализма заключается в поэтапном переходе от наднациональных объединений к Европе регионов. В этом процессе Совет Европы идет несколько впереди Европейского Союза, закладывая фундамент будущего гражданского общества. Таким образом, сущность европейского регионализма заключается в интеграции по формуле: «От Европы отечества к Европе регионов».

Европейское пространство составляют разные по размерам, природным условиям, социально-экономическому развитию и структуре экономики регионы. Каждый регион имеет историческую и политическую самобытность. В каждой из стран ЕС сложилась своя национальная система местного самоуправления и регионального управления. С момента начала формирования единой Европы региональное развитие осуществляется на основе расширения полномочий местных и региональных властей и создания эффективной системы финансовой

поддержки отстающих регионов. Благодаря этому удалось реализовать принцип построения европейского дома «в разнообразии – согласии» (*in varietate concordia*).

В целях содействия европейскому регионализму и усилению роли отдельных территорий в 1985 г. была создана Ассамблея регионов Европы (АРЕ), в которую в настоящее время входят свыше 270 регионов и 16 межрегиональных организаций. Членами АРЕ из постсоветских стран являются четыре региона России (Республики Ингушетия, Карелия, Татарстан, Самарская область), пять областей Грузии, шесть областей Украины, два региона Молдовы.

В 1994 г. Совет Европы принял «Хартию местного самоуправления», а в 1996 г. Ассамблея регионов Европы – «Декларацию о регионализме». В основе региональной политики ЕС положены принципы территориальной концентрации капитала, финансирования целевых программ, сотрудничества с местными властями в передачи конкретных управленческих решений на наиболее оптимальный территориальный уровень. Принцип subsidiarity в общественных отношениях предусматривает приоритет прав и интересов личности перед правами и интересами любой общности. Распределение прав и обязанностей по исполнительной вертикали осуществляется на основе делегирования конкретных решений на тот территориальный уровень, где они могут исполняться наиболее эффективно. Статус европейского региона может быть изменен только при согласии и участия местной общины. В одном и том же государстве в целях сохранения своих исторических, политических и социокультурных особенностей регионы могут иметь различные статусы.

Каждый регион представляет выражение отличительной политической самобытности, отражающей демократическую волю принимать наиболее предпочтительные формы его организации. В отличие от существовавшей налоговой политики декларацией предусмотрено изменение отношений региона и государства. Не государство оставляет часть налогов региону, а, наоборот, регион частично или полностью передает налог государству.

Регионы различаются величиной, политико-административными и цивилизационными особенностями, которые имеют важное значение в построении единой Европы. Согласно Декларации АРЕ, регион является государственным территориальным образованием, соответствующим уровню, непосредственно предшествующему уровню государства. Регион имеет собственную Конституцию и правительство с соответствующими политическими полномочиями. Многообразие исторических, языковых, культурных, социально-экономических проблем можно находить только через сильные регионы, обладающие законодательными полномочиями и финансовыми возможностями. Регионы признаются активными субъектами политики Европейского Союза и

имеют право самостоятельно действовать на международной арене. Составной частью европейского регионализма является местное самоуправление.

При проведении региональной политики ЕС исходит из приоритета Союза, тогда как национальные правительства действуют в соответствии с отечественными интересами. Таким образом, параллельно существуют две региональные политики, позволяющие совместить интересы страны и ЕС, обеспечить поддержку европейской интеграции большинством населения.

Комитет регионов, основанный в 1994 г., согласно Договору о Европейском Союзе (Маастрихт), является консультативным органом, состоящим из представителей европейских региональных и местных властей. Эти администрации, благодаря Комитету, имеют право голоса при разработке политики Евросоюза. Комитет консультирует по вопросам, касающимся местных и региональных администраций, включая региональную политику, вопросы охраны окружающей среды, образование и транспорт. В ЕС-15 в Комитете насчитывалось 222 члена, что приблизительно отражало количество населения по странам ЕС. Квота для старых членов ЕС сохранилась и после расширения Союза в 2005 г., но членами Комитета стали представители новых стран и теперь Комитет насчитывает 344 члена. Членами комитета являются избранные политики регионального и муниципального уровня, представляющие весь спектр деятельности местной и региональной администрации Европейского Союза. Это могут быть главы и члены региональных администраций, мэры больших городов и т.д. Они назначаются правительствами ЕС на четырехлетний срок с правом последующего переизбрания, но полностью независимы в своей деятельности. Комитет регионов избирает Председателя сроком на два года.

Комитет высказывает свою точку зрения относительно деятельности ЕС в отношении конкретных вопросов региональной политики. Ежегодно комитет проводит пять пленарных сессий, на которых разрабатывается общая политика и принимаются решения. В рамках Комитета создано шесть комиссий:

- Комиссия по единой региональной политике;
- Комиссия по вопросам экономической и социальной политики;
- Комиссия по устойчивому развитию;
- Комиссия по культуре и образованию;
- Комиссия по конституционным вопросам и европейскому управлению;
- Комиссия по внешним отношениям.

В условиях многонациональной и многоконфессиональной Европы весьма эффективным оказался принцип солидарности. История Европы, великие волны

переселения народов, сделали понятие «коренное население» весьма условным. Преобладающей формой государственного устройства в Европе является многонациональное и многоконфессиональное государство. На континенте относительно мононациональны Венгрия, Исландия, Ирландия, Польша, Финляндия. Около 30 европейских народностей и этнических групп не имеют государственности или автономии. Превращение Европы из сообщества государств, в сообщество наций и регионов призвано погасить тлеющие очаги сепаратизма в разных частях. Широко известные баскский и корсиканский сепаратизм, исторические противоречия между католиками и протестантами в Северной Ирландии, фламандский ирредентизм в Бельгии.

Европа с высоким качеством жизни является притягательной для народов других континентов. Численность иммигрантов, беженцев и перемещенных лиц приблизилась к 30 млн., что при неблагоприятных условиях может стать фактором европейской дестабилизации. В связи с этим неоднозначны оценки европейской регионализации. Оппоненты ускорения этого процесса отмечают возросший региональный экстремизм и опасность нового распада Европы на удельные феодальные княжества. Тем не менее, расширение властных полномочий местных и региональных властей позволяет проводить гибкую политику с учетом интересов разных этнических и конфессиональных групп, проживающих на той или иной территории, и тем самым снимать возникающие напряжения.

Отдельными странами ЕС на национальном уровне проводится своя национальная региональная политика, которая использует такие инструменты, как предоставление инвестиционных субсидий фирмам, расположенным в проблемных районах. Однако национальные правительства ограничены в таком субсидировании требованиями ЕС по свободе торговли и конкуренции между странами-членами.

Главным институтом европейской региональной политики стала деятельность созданных в 1975 г. Европейского фонда регионального развития и Европейского фонда социального развития. Этими фондами выделяются финансовые ресурсы отдельным кризисным регионам под конкурентные проекты, реализация которых позволяет создать новые рабочие места, привлечь инвестиции, повысить конкурентоспособность.

Для эффективной работы фондов потребовалось выделение по определённой методике проблемных регионов ЕС, включающих слаборазвитые, кризисные промышленные, сельскохозяйственные и северные слабозаселенные территории. В 1988 г. для этой цели была создана Единая универсальная система разбивки территориальных единиц для обеспечения ЕС региональными статистическими данными (NUTS). Это сопоставимые по размерам

территориальные единицы разного уровня. В 2008 г. на пространстве ЕС-27 на уровне NUTS 1 выделялось 97 регионов. NUTS 2 – 271, NUTS 3 – 1303 территории. На уровне NUTS 5 насчитывалось более 120 тыс. территориальных единиц.

ЕС применяет индивидуализированные подходы к выделению проблемных регионов, осознавая, что кризисный ареал в одной стране не может быть вполне благополучным для другой. До расширения на Восток проблемные регионы ЕС концентрировались в Греции, Испании, Италии и Португалии – странах с самыми низкими для ЕС макроэкономическими показателями. В Великобритании и Германии особое внимание уделяется слаборазвитым и депрессивным районам (Северная Шотландия, Северная Ирландия, Восточная Германия), а в Швеции и Финляндии – северным слабо заселенным территориям.

По мере расширения западноевропейской интеграции возникла потребность в масштабной региональной политике ЕС. Созданный в 1993 г. Фонд сплочения предназначен для создания транспортной инфраструктуры и улучшения окружающей среды в Ирландии, Греции, Португалии и Испании. Пятилетний плановый бюджет содействия регионального развития составил во второй половине 1990-х годов свыше 150 млрд. евро. В дальнейшем деятельность второго фонда была распространена на новых членов союза. В ближайшем будущем расходы на региональное развитие станут основными в бюджете ЕС. В период 2007 – 2011 гг. на долю региональной политики придется более половины расходов бюджета союза. Брюссель уделяет большое внимание внутреннему сплочению стран-участниц и отдельных регионов. Оно достигается путем приобретения социально-экономической и институциональной однородности на основе законов и правил ЕС и выравнивания уровней социально-экономического развития. Важное место в финансировании региональных проектов занимает Европейский инвестиционный банк.

Потребность в деятельности институтов европейской региональной политики союза после его расширения, существенно возросла. Об этом свидетельствует резко увеличившаяся разница в уровнях ВВП на душу населения между регионами. С учетом новых членов в ЕС насчитывается, как уже говорилось, 271 регион уровня NUTS 2. В 2005 г. самый богатый из них – Внутренний Лондон имел ВВП на душу населения 303% от среднего по ЕС уровня. Далее следовали Люксембург – 264%, Брюссель – 241, Гамбург – 202%. Всего 43 региона ЕС имели ВВП на душу населения 125% и выше. Это регионы Великобритании и Германии, Италии и других стран, относящихся к Е-15. Самые бедные регионы расположены в Болгарии, Румынии и Польше. В Румынии и Болгарии большинство регионов имело ВВП на душу населения менее 1/3 от среднего по ЕС уровня.

Возросшие территориальные диспропорции вызваны расширением ЕС. Эти диспропорции неизбежны и являются одной из закономерностей рыночной экономики; они отражают неравномерность регионального развития. Наличие межрегиональных различий в определенных пределах имеет позитивный характер, поскольку они побуждают отстающие регионы к поиску путей наращивания своих конкурентных преимуществ. Но по достижении определенной величины, социально-экономические диспропорции в развитии регионов создают серьезные проблемы и для стабильности европейских стран и ЕС в целом.

В то же время, региональная политика стран ЦВЕ – новых членов ЕС представляет интерес по нескольким обстоятельствам. Во-первых, эти страны располагаются на периферии ЕС, во-вторых, они пережили рыночную трансформацию и, в-третьих, их региональная политика была тесно увязана со вступлением в ЕС и постепенно адаптировалась к требованиям Союза.

Территория ЦВЕ характеризуется сравнительно высокой степенью освоенности и обжитости. Средняя плотность населения в этих странах колеблется между 130 жителями на км² в Чехии, до 30 жителей на км² в Эстонии. Плотность заселения стран ЦВЕ соответствует их промежуточному положению между Западной Европой и Россией. В большинстве стран, составляющих ядро ЕС, плотность населения превышает 200 чел. на км². При этом западные районы большинства стран ЦВЕ заметно более развиты, чем восточные. Ситуацию не смогла изменить индустриализация восточных районов этих стран в период их нахождения в сфере советского экономического влияния. Однако ускоренное развитие восточных районов на базе советских поставок топлива и сырья позволило существенно уменьшить территориальные диспропорции, унаследованные от межвоенного периода (1919 – 1939).

Периферийные районы характеризуют такие черты, как отставание по экономическому развитию, образовательному уровню, инфраструктуре, преобладание одного-двух видов традиционной хозяйственной деятельности, слабое восприятие нововведений, ограниченный потенциал саморазвития, экономическая зависимость от центральных районов. На ней в среднем выше риски предпринимательской деятельности. Соотношение центров и периферии в любой стране весьма инерционно. Однако в развитых странах различия между центрами и периферией весьма размыты. Они ещё более стираются в ходе демократизации стран, повышения автономизации органов регионального и местного управления на основе принципа субсидиарности, бурного прогресса информационных технологий. Тем не менее, эта проблема достаточно остро стоит и перед ними. В частности, на европейском пространстве выделяется протяженная периферия, заметно отстающая от европейского ядра по многим социально-экономическим индикаторам. Это районы европейского севера, многие

средиземноморские и приатлантические районы. Частью этой периферии в результате рыночной и политической трансформации повторно стали страны ЦВЕ. Средний уровень ВВП на душу населения в этих странах составляет от 75% в Словении до 46% в Польши от среднего по ЕС показателя. Средние по уровню развития регионы стран ЦВЕ сопоставимы с наименее развитыми регионами Португалии и Греции. Вхождение в Союз менее благополучных регионов ЦЕ, таким образом, значительно усилило дифференциацию пространства ЕС.

Неравномерный на пространстве ЦВЕ ход процессов рыночной трансформации позволил ряду польских авторов выделить так называемый «центральноевропейский бумеранг» - зону концентрации трансформационных процессов, вершинами которой являются Гданськ, Прага, Братислава и Будапешт, и вне её центр интенсивной трансформации – Варшаву.

В изменившихся геополитических условиях восточные районы рассматриваемых стран оказались на экономической периферии. Наиболее крупные предприятия этих районов возникли в социалистический период, когда главным торговым партнером стран ЦВЕ был СССР. В настоящее время восточные районы испытывают серьезные проблемы. Для них характерны следующие черты:

- более низкий образовательный уровень;
- более низкая квалификация рабочей силы;
- слабо развитая инфраструктура;
- слабо развитая система образования и науки;
- низкий технологический уровень промышленности;
- ограниченные возможности внутрирегиональной производственной кооперации;
- низкий уровень культуры и продуктивности в сельском хозяйстве;
- сравнительно слабое развитие финансовой инфраструктуры и хронический дефицит финансовых ресурсов;
- наиболее низкая в масштабе страны привлекательность для инвесторов;
- наименее комфортные условия жизни населения;
- низкий уровень квалификации местного самоуправления, недостаточная активность и инициативность.

Эти свойства определяют медленное приспособление отстающих регионов к изменившимся геоэкономическим условиям, более низкие темпы реструктуризации экономики, сравнительно низкую инвестиционную привлекательность.

Произошедшее радикальное расширение ЕС поставило на повестку дня определение возможных его пределов в будущем. Актуальной стала проблема определения границ Большой Европы, для чего существуют три критерия:

- государства европейского континента, относящиеся преимущественно к христианской цивилизации;
- государства – члены Совета Европы;
- народы континента, отождествляющие себя с европейскими ценностями, историей и культурой.

В Большую Европу входят кроме ЕС Россия и другие страны, дискуссионным является включение в это пространство Южного Кавказа. В 2003 г. Европейская комиссия опубликовала первые предложения по формированию Большой Европы и документ о стратегии европейской безопасности, где вводятся новые понятия европеизации и европейского соседства. Если членство в ЕС оформляется юридическим и политическим актом, то в границах Большой Европы основной целью является европеизация политических, экономических и социальных отношений, фундаментом которой является либерально-демократическая идеология, не претендующая на гегемонию и предусматривающая сохранение многонационального и мультикультурного разнообразия.

Одним из важнейших факторов, влияющих на формирование Большой Европы, являются массовые миграции с юга на восток. Приток азиатских и африканских рабочих начался после окончания Второй мировой войны, когда многие европейские страны из-за больших материальных и людских потерь испытывали дефицит рабочей силы. В конце двадцатого столетия в Европу ежегодно прибывало до одного миллиона иммигрантов, а удельный вес иностранцев в численности населения Западной Европы увеличился в 1990-е годы с 8,6 до 10,3%.

Во второй половине XX в. только в Германию на временной или постоянной основе переселилось свыше 30 млн. чел., в 2008 г. в стране насчитывалось 8 млн. мигрантов (без учета принявших немецкое гражданство).

Особенно активно идет исламизация Европы, строятся многочисленные мечети, вокруг которых организуются исламские общины. Прослеживается тенденция перехода католиков и других христиан в исламскую веру. Ежегодно свыше ста тысяч европейцев переходят из христианства в ислам. Во Франции мусульман насчитывается около 8 млн., в Германии – 7 млн., а в Великобритании – 5 млн. чел. Всего в Западной Европе проживает примерно 25 – 30 млн. мусульман.

Всё вышесказанное указывает на то, что европейская интеграция является длительным процессом включающим этапы создания торгового, таможенного,

экономического и валютного союза. По своей глубине и масштабам расширения она явилась эффективным ответом на вызов глобализации, превратила ЕС в сильного игрока на мировой арене.

Расширение ЕС создало ряд сложных проблем, связанных с трудностями сочетания интеграции вглубь и вширь. Обострились проблемы единства Союза, что проявилось при проведении референдума по конституции ЕС, а также выхода Великобритании из союза. Вместе с тем, произошла успешная геополитическая трансформация стран ЦВЕ, ставших членами ЕС. Однако социально-психологические последствия этого процесса вызывают неоднозначные оценки.

Основной целью проекта Большой Европы является европеизация политических, экономических и социальных отношений на фундаменте либерально-демократических ценностей, сохранение многонационального и мультикультурного разнообразия. В целом концепция Европейского многомерного коммуникационного пространства позволяет более гибко подходить к формированию Большой Европы на основе разноскоростных процессов интеграции.

РАЗДЕЛ IV. Африканская подсистема международных отношений в XXI веке

Важным этапом развития интеграционных процессов в Африке стал Саммит Африканского Союза, по итогам которого была принята декларация к 50-летию создания Организации Африканского Единства (ОАЕ), преобразованной 9 июля 2002 г. в Африканский союз (АС). Главными задачами, провозглашенными в Декларации, стали объединение и развитие региональных экономических сообществ «как строительных блоков» АС и «ускорение процесса достижения целей Африканского экономического сообщества», включая создание «континентальной зоны свободной торговли». Было дано обещание сделать Африку к 2020 г. регионом «свободным от конфликтов» положив конец «всем войнам на континенте». В созданных на территории Африки региональных объединениях, несмотря на все сложности, постепенно претворяются в жизнь реформы, которые уже в той или иной степени обеспечили заметный уровень юридически-правового единства, свободы передвижения людей, товаров, финансов, услуг, единого регулирования хозяйственной деятельности и трудовых отношений в рамках каждой интеграционной группировки. Главными интеграционными объединениями на Континенте, которые Африканский союз рассматривает как своеобразные блоки будущего африканского общего рынка, является ЭКОВАС (Экономическое сообщество западноафриканских государств), КОМЕСА (Общий рынок Восточной и Южной Африки), САДК (Сообщество развития Юга Африки), ВАС (Восточноафриканское сообщество), ЭККАС (Экономическое сообщество стран Центральной Африки), СЕН-САД (Сообщество сахельско-сахарских государств), ИГАД Межправительственный орган по развитию Восточной Африки) и ЮМА (Союз арабского Магриба).

На саммите была также принята «Повестка 2063» - стратегический план развития Африканского континента на 50 лет. В соответствии с «Повесткой» предусматривается следующий график формирования континентальных интеграционных институтов:

- создание Африканского таможенного союза – 2019 г.;
- создание общего африканского рынка – 2025 г.;
- создание валютного союза – 2030 г.
- создание единых институтов законодательной, исполнительной и судебной властей и единого гражданства – 2063 г.

Важнейший шаг к реализации «Повестки 2063» был сделан на состоявшемся 19-21 марта 2018 г. Чрезвычайном саммите Африканского союза, где принято решение о создании африканской континентальной зоны свободной

торговли (AfCFTA). Это самое крупное межгосударственное торговое соглашения в мире с момента возникновения ВТО в 1995 г. В соответствии с принятым соглашением, предусматривается снижение таможенных пошлин на 90% между странами, подписавшими соглашение, в течение ближайших пяти лет. На саммите решение подписали 44 африканских государства. Впоследствии к ним присоединились еще 5 стран – ЮАР, Сьерра-Леоне, Лесото, Бурунди и Намибия. Нигерия, крупнейшая экономика Африки, до последнего времени воздерживалась от подписания этого соглашения, что, по нашему мнению, затрудняло практическую реализацию этого весьма амбициозного проекта. Нигерийцы опасались, что наибольшие преимущества от соглашения извлекут другие страны, в первую очередь ЮАР, а не сама Нигерия. Однако 11 июля 2018 г., после встречи один на один с президентом ЮАР Сириллом Рамепосой, пришедшим на смену Джейкобу Зуме, глава Нигерии Мухаммаду Бухари все-таки решил присоединиться к данному соглашению, которое поможет реализовать африканскую мечту о резком подъеме внутриафриканской торговли. Несмотря на то, что из 49 стран, подписавших этот документ, его ратифицировали только 6, само его принятие подавляющим большинством африканских государств – важный шаг на пути к реальной экономической интеграции.

Таким образом, развивая интеграционные процессы, используя свои конкурентные преимущества в ресурсной сфере, активно балансируя между старыми и новыми партнерами, привлекая финансовые и технологические ресурсы, активизируя человеческий капитал, современная Африка постепенно превращается во влиятельного игрока в мировой политике и экономике, необходимое звено в противостоянии большим вызовам. Современная африканская экономика делает реальные шаги в сторону диверсификации и сбалансированности по целому ряду направлений – географическому, отраслевому, потребительскому, производственному, по соотношению форм собственности и факторов производства и их вкладу в прирост ВВП.

В экономическом развитии африканских государств формируются два новых тренда – повышается роль реального сектора экономики и ускоряется развитие отраслей, которые ориентируются не на внешнего, а на внутреннего потребителя.

По мнению экспертов Института Африки РАН, вероятен сценарий вызревания единого общеафриканского полюса как центра силы глобальной значимости. И здесь необходимо более подробно остановиться ещё на одном важнейшем факторе, который в ближайшем будущем окажет колоссальное влияние не только на развитие Африканского континента и его превращение из объекта в субъект международных отношений, но и на развитие и структурную

перестройку всей мировой экономики. Африканский континент – один из ключевых факторов мировых демографических процессов.

В своё время именно население Черного континента внесло весьма значимый вклад в развитие мирового хозяйства. Африка с XVI по XIX в. играла роль основного поставщика рабов, в первую очередь на Американский континент. Рабский труд африканцев, по сути, стал основой первоначального накопления капитала экономики США. По разным данным на указанный нами период в страны Нового света было продано от 12 до 17 миллионов африканцев. Это нанесло колоссальный демографический урон Африканскому континенту, который покинули наиболее активные и здоровые люди в детородном возрасте. Африканский генофонд в значительной степени был разрушен, что отбросило развитие Континента на столетия. А Соединенным Штатам прибытие африканских рабов дало такой первоначальный импульс, какой никогда не смог бы обеспечить только труд белых колонистов.

Сегодня, в эпоху глобализации, когда рабочая сила относительно свободно перемещается из страны в страну, современная Африка вновь обретает важную роль в мировом развитии, постепенно превращаясь в главного поставщика трудовых ресурсов, обладая высокой долей молодого трудоспособного населения, которое прирастает ускоренными темпами.

Сегодня главными демографическими гигантами выступают Китай с населением свыше 1,4 млрд. человек и Индия, число жителей которых превысило 1,3 млрд. человек. Всего в этих двух странах на сегодняшний день проживают примерно 40% мирового населения. Китай, благодаря длительным усилиям и успешной реализации государственной политики ограничения рождаемости, которая проводилась под лозунгом «Одна семья – один ребенок», сократил темпы прироста населения до 0,3%. В Индии этот показатель всё ещё достаточно высокий и превышает 1,5%. По прогнозам ООН, к 2024 г. эта страна займет первое место в мире по числу жителей, обогнав Китай. В ближайшие десять лет рост мирового населения в абсолютном выражении будет происходить в основном за счет этих двух стран. Но начиная с 2030 г. центр мирового демографического роста переместится в Африку, где темпы прироста населения в настоящее время остаются самыми высокими в мире и оставляют 2,5% в год. ООН прогнозирует, что в период с 2017 по 2050 гг. население нашей планеты увеличится на 2,2 млрд. человек. Вклад Африки в этот прирост составит 1,3 млрд., или 60%. Безусловным демографическим лидером на Африканском континенте останется Нигерия, которая уже сегодня занимает седьмую строчку в рейтинге стран по численности населения, а к 2050 г. поднимется на третье место.

Традиционно ускоренный рост населения развивающихся государств, получивший в научной литературе название «демографический взрыв»,

рассматривался в качестве угрозы для развития стран Азии, Африки и Латинской Америки, так как связывался с увеличением безработицы, неполной занятости, бедности и голода. Сегодня в условиях глобализации и формирования международного рынка труда, когда перелив рабочей силы из региона в регион значительно облегчен, что обусловлено не только социально-экономическими, технологическими, информационно-коммуникационными, но и политическими факторами, одним из драйвером ускоренного роста развивающихся государств выступает демографический фактор (или, в современной терминологии, демографический дивиденд), а именно – быстрое увеличение населения, в первую очередь трудоспособного, стран Востока и Юга и старение населения Запада. Весьма примечательно, что экономического возвышения в первые два десятилетия XXI века достигли страны с молодым быстрорастущим населением – не только упоминавшиеся нами ранее Китай и Индия, но и Индонезия, Бразилия, Мексика, Филиппины, Вьетнам и др. В Африке в 2000-е гг. настоящий рывок сделали Нигерия (198 млн.) и Египет (98 млн.) – две крупнейшие по числу жителей страны Субсахарской и Северной Африки. Нигерия превратилась в крупнейшую экономику Африки южнее Сахары по размерам ВВП, как по обменному курсу (375,8 млрд. долл. в 2017 г.), так и по паритету покупательной способности (1119 млрд. долл. в 2017 г.), обогнав традиционного конкурента – ЮАР и заняв в мировом рейтинге стран по размерам ВВП 21 и 22 место соответственно. Египет же по данному индикатору занял первое место в Африке по ППС (1129 млрд. долл.) и третье – по обменному курсу (235 млрд. долл.). Весьма примечательно, что вторая по численности населения африканская страна Эфиопия (105 млн. жителей в 2017 г.) показывает в последние несколько лет темпы прироста экономики на уровне 8%.

Превращение «демографического проклятия» в «демографический дивиденд» обусловлено целым комплексом причин.

Главная из них нами уже упоминалась. Она связана с переформатированием структуры мирового рынка трудовых ресурсов, львиная доля которых обеспечивается сегодня развивающимися, в том числе африканскими, странами. Уже сегодня 80% трудовых ресурсов планеты сосредоточено в странах Азии, Африки, и Латинской Америки, они обеспечивают более 90% прироста мирового рынка труда. Конечно, современные технологии производства, в частности использование робототехники, сокращает необходимость применения рабочих рук. Однако, как показывает опыт развитых стран, дефицит в людях трудоспособного возраста сохраняется, в первую очередь в сфере услуг. Возникают новые виды потребностей, которые требуют новых видов труда. Да и в производственной сфере в обозримой перспективе сохранятся трудоемкие сегменты. Особый дефицит в трудовых ресурсах будет испытывать Европа, где

старение населения идёт ускоренными темпами. Европейские власти вынуждены в этих условиях проводить пенсионные реформы и облегчать доступ трудовым мигрантам из стран Азии и Африки, прекрасно понимая, что нормальное функционирование их экономик и сохранение привычного уровня благосостояния и потребления возможно только в случае массового притока людских ресурсов молодых возрастов. Есть два основных пути решения этой проблемы – ввоз рабочей силы из-за рубежа (путь, чреватый нарастанием социальной напряженности и размыванием традиционной европейской идентичности) и перенос собственных предприятий в районы с высоким трудовым потенциалом, в том числе на африканский континент. И в том и в другом случае африканская составляющая в формировании трудовых ресурсов планеты будет расти, а значит, повысится роль континента в глобальном экономическом пространстве.

Не следует также забывать, что в самой Африке в условиях высоких темпов прироста экономики и более низкого, по сравнению с развитыми государствами, уровня технологического развития также растет спрос на рабочие руки.

К тому же многие азиатские страны, по инерции считающиеся молодыми, на самом деле либо уже ими не являются (Тайвань, Сингапур, Южная Корея), либо «состарятся» в обозримой перспективе (Китай). Из крупных регионов мира только Африка южнее Сахары находится в самом начале второго этапа демографического перехода. Сохраняющаяся высокая рождаемость и низкая смертность при сравнительно невысокой средней продолжительности жизни (55 лет) и снижающейся детской смертности ведут к преобладанию в структуре населения молодых возрастов. По данным на 2018 г. средний возраст жителей Субсахарской Африки – 20 лет. Это означает, что в недалеком будущем международный рынок труда будет в основном формироваться не азиатскими, а африканскими государствами.

Второй важный результат воздействия «демографического дивиденда» – рост и изменение структуры мирового потребления. Количественное увеличение жителей страны физически увеличивает размеры потребления, а значит, расширяет внутренний рынок стран с быстрорастущим населением. При этом немалая доля людей молодого возраста меняет и саму структуру потребления, обеспечивая спрос на новые товары. Не секрет, что две трети африканцев имеют мобильные телефоны, включая самые современные модели, хотя многие из них голодают. Во многих странах Африки (Кения, Нигерия, ЮАР и др.) небывалыми темпами растут сектор мобильных услуг и интернет-банкинг. Именно молодежь является как основным потребителем, так и создателем современных товаров, в то время как представители старшего поколения, которых будет всё больше и больше в развитых странах, не предъявляют повышенного спроса на новинки и предпочитают знакомые им консервативные образцы. Конечно, трудно

предположить, что в ближайшие десять-двадцать лет африканцы займут лидирующие позиции в сфере НИОКР. Однако уже сейчас самый высокий конкурс в африканских университетах наблюдается на факультетах, готовящих специалистов-программистов. Расширяется и рынок традиционных потребителей товаров. Денежные трансферты африканцев из-за рубежа позволяют семьям эмигрантов приобретать компьютеры, телевизоры и даже автомобили. Через 20-30 лет большинство автомобилей, бытовой техники, электроники и других товаров длительного пользования будет продаваться не в Азии, как сегодня, а в Африке. Количественный и качественный рост потребительского рынка станет мощным драйвером развития африканской, а в будущем мировой экономики. Так произошло в Китае в конце 1990-х гг. По данным ООН, к середине нынешнего века число жителей Африки по среднему варианту прогноза ООН составит 2,5 млрд. чел., или 26% мирового населения. А к 2100 г. африканцев будет уже 4 468 млн., или 40% всех живущих на земле. Весьма примечательно, что в период с 2050 по 2100 гг. сократится не только население Европы (с 716 млн. в 2050 г. до 653 млн. в 2100 г.) но и Азии (по прогнозу – с 5257 млн. в 2050 г. до 4780 млн. в 2100 г.). Таким образом, мир, по сути, к концу XXI века станет в значительной степени «африканским».

И ещё одно важное преимущество стран с молодым быстрорастущим населением. Преобладание в структуре населения пожилых людей резко повышает коэффициент демографической нагрузки и, как следствие, расходы на здравоохранение и пенсионное обеспечение. Именно это происходит сейчас в странах Запада. А в африканских странах люди старше 60 лет составляют всего 5% населения, что позволяет экономить расходы бюджета и использовать их в интересах развития.

Современная Африка – динамично растущий рынок производства и услуг, инвестиций, современных технологий, наукоёмкой продукции, рабочей силы и потребительских товаров. Вопреки инерционным представлениям о ней тех, кто пребывает в плену стереотипов 70-80 гг. прошлого века, Африка уже вступила на этап индустриального подъёма и ускорения модернизации производственного потенциала. Экономический рост на Континенте ускоряется, в том числе благодаря быстро расширяющемуся среднему классу, который предъявляет повышенный спрос на потребительские и новые инвестиционные товары, а также на современные услуги.

Изменение положения Африканского континента в мировой системе координат привлекает к нему внимание всех крупных международных игроков, как традиционных (США, Великобритании, Франции, Германии), так и новых (Китая, Японии, Индии, Бразилии, Турции, Ирана, Индонезии, Австралии и даже Новой Зеландии). Обостряется конкурентная борьба за политическое и

экономическое доминирование на Африканском континенте. Речь идёт не только об обеспечении безопасности и «Схватке за стратегические ресурсы и рынки». Все эти государства прекрасно понимают: в 2020-2030-х гг. когда Африканский континент превратится в главный источник мирового прироста трудовых ресурсов, покупательского спроса и природных возможностей для развития мировой цивилизации, только с его помощью они обеспечат себе стабильные позиции и зоны влияний в будущей конкурентной борьбе.

Россия, к сожалению, только в последние 2-3 года осознала важность использования «африканского вектора» при решении стратегических задач собственного экономического развития. Во многом этому способствовали санкции, введенные западными государствами. Российским экономическим операторам очень не хочется выходить из зоны комфорта и переориентироваться с западного на южное направление. Но делать это придётся. О развороте в сторону Африки свидетельствует принятое на коллегии МИДа в мае 2018 г. решение о разработке новой Концепции взаимоотношений РФ и африканских государств. Предыдущая Концепция была принята в 1994 г. и уже не отвечает интересам ни России, ни Африки. Состоявшийся 16 мая на площадке Минэкономразвития первый бизнес-форум «Россия – Африка» с участием крупных российских компаний также говорит о серьёзности интересов наших государственных структур и бизнес-сообщества в отношении Африканского континента. Большой вклад в развитие российско-африканских отношений внес визит С.В. Лаврова в Анголу, Намибию, Мозамбик, Зимбабве и Эфиопию в марте 2018 г. В 2019 г. планируется проведение масштабного российско-африканского форума в РФ. Россия пытается вернуть утраченные в 1990-е гг. позиции на Континенте, но делать это с каждым днем труднее из-за растущей конкуренции, смены африканских элит, снизившихся финансовых возможностей РФ. Вот почему нашей стране необходимо определить наиболее перспективные для политического и экономического взаимодействия африканские страны и отраслевые приоритеты сотрудничества и сконцентрироваться в первую очередь на них. В Африку России надо вернуться всерьёз и надолго не просто для того, чтобы не отстать от других, а чётко осознавая необходимость взаимодействия с африканцами на всех направлениях. Активное российско-африканское сотрудничество позволит обеим сторонам извлечь геополитические и геоэкономические дивиденды, способствуя развитию их экономик и укреплению позиции РФ и африканских государств на международной арене.

РАЗДЕЛ V. Региональные подсистемы международных отношений в Азии.

Большое влияние на современный политический процесс в Азии оказывает бурный рост экономики ведущих стран континента – Китае, Японии, Южной Кореи, России, Индии, Индонезии, Филиппин, Турции, Ирана, Саудовской Аравии, Катара, Объединенных Арабских Эмиратов и других. Сегодня страны Азии производят более половины мировой продукции, а такие государства как Китай и Япония входят в пятерку самых экономически развитых государств на планете.

В осуществлении внешней политики ряд азиатских государств опирается на современные вооруженные силы. Среди них Китай, Россия, КНДР, Индия, Израиль и Пакистан имеют ядерное оружие, а Япония и Иран близки к его созданию.

Растёт международный имидж Азии, являющийся важным ресурсом её внешней политики. Политическая модернизация, значимая ресурсная база азиатских стран способствуют осуществлению активной внешней политики и росту международного сотрудничества как внутри континента, так и за его пределами. Одной из важнейших задач этого процесса является интеграция. Государства Азии сегодня стремятся, исходя из своих национальных интересов, строить свои международные отношения на взаимовыгодных условиях в области экономики, безопасности, культуры, образования, туризма и др. Активно содействуют этому дипломатия и континентальные международные организации АТЭС, АСЕАН, ШОС, ЛАГ, СЕССПЗ, ОАС, двухсторонние международные отношения государств региона.

Так, ассоциация Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества своей важнейшей задачей считает создание свободной экономической зоны, расширение взаимосвязей с Евросоюзом, латиноамериканским МЕРКОСУР, Африканским Союзом. На последнем саммите АТЭС в Перу (2018 г.) его участники подчеркивали необходимость расширения взаимодействия государств региона в современных условиях. Такой подход не устраивает США, которые в последние годы теряют свои ведущие позиции в организации. Об этом неоднократно говорил экс-президент Б. Обама. А ныне действующий президент Д. Трамп заявил о скором выходе Соединенных Штатов из Азиатско-Тихоокеанской организации экономического сотрудничества. Столь одиозная позиция США возникла в результате усиления влияния Китая и России, которые выступают за равные возможности взаимодействий в рамках АТЭС. Особенно озаботило Белый Дом открытие в рамках ассоциации регионального банка Китая,

с капиталом в 40 млрд. долларов. Его ресурсы используются для развития экономики государств, входящих в ассоциацию.

В 2018 г. Китайская Народная Республика выделила инвестиции для развития сотрудничества с государствами Африки – 60 млрд. долларов на предстоящие 10 лет. Расширение внешнеэкономической деятельности Китая получило бурную негативную реакцию США. Они обвинили КНР во вмешательстве во внутренние дела африканских государств, что вызвало у международной дипломатии большое недоумение. Имперские амбиции США и сегодня в просвещённом мировом сообществе чрезвычайно высоки, но в связи с нарастанием многополярности мировой политики и международных отношений, соответственно тают.

Наряду с Китайской Народной Республикой активно развивает внешнюю политику в азиатском регионе и на международной арене Российская Федерация. В принятой концепции внешней политики РФ (30 ноября 2016 г.) подчеркивается: «Современный мир переживает период глубоких перемен, сущность которых заключается в формировании полицентрической международной системы... Происходит рассредоточение мирового потенциала силы и развития, его смещение в Азиатско-Тихоокеанский регион».

В XXI столетии Россия значительно расширила своё влияние на международной арене. Особое внимание при этом она уделяет отношениям со странами Азии. Одним из стратегических партнеров РФ в регионе и в мировой политике является Китайская Народная Республика. Объём торговли между странами достиг почти 100 млрд долларов. Успешно расширяются и развиваются связи РФ с азиатскими странами: Индией, Японией, Южной Кореей и КНДР, Филиппинами, Ираном, Турцией, Саудовской Аравией, Катаром, Сирией, Республикой Кипр и др. В начале века трудно было представить установление взаимовыгодных отношений России с целым рядом указанных государств.

Задачи расширения внешнеполитического сотрудничества в современных условиях являются актуальными для Южной Азии. Как известно, локомотивом внешнеэкономической деятельности в регионе является Индия со своими богатыми минеральными и людскими ресурсами.

Сегодня государства Южной Азии в рамках ассоциации регионального сотрудничества (СААРК) и двусторонних отношениях выступают за более активные взаимодействия по развитию национальных экономик и в других областях жизни. Приоритетными направлениями сотрудничества стран СААРК в регионе являются АТЭС, АСЕАН, ШОС, особенно Китай и Россия. Это, прежде всего, инвестиции, рынки сбыта, новые технологии производства, рабочая сила, туризм и культурно-образовательный обмен. Для стран Южной Азии с развивающейся экономикой сегодня это чрезвычайно актуально. В последние

годы ведущие страны региона добились значительных показателей роста экономики, продвинулись в международном сотрудничестве. К примеру, рост ВВП Индии сегодня находится в пределах 9 процентов. При этом западные аналитики прогнозируют устойчивое развитие экономики страны на целый ряд лет. Рост ВВП в экономике других стран региона колеблется в пределах 4-5 процентов. Активное сотрудничество государств региона способствует этому.

В начале XXI столетия значительное развитие политического процесса происходит в Юго-Восточной Азии. Базируется он на основе проводимых в странах региона политических и экономических реформ. В международном сотрудничестве государств Юго-Восточной Азии активно используются двусторонние договоры во многих областях жизни. При этом приоритетное положение здесь занимает экономика, проблемы её развития в современных условиях. Активное содействие экономическому сотрудничеству оказывает созданная региональная международная организация АСЕАН (1967 г.), членами которой являются Вьетнам, Индонезия, Малайзия, Таиланд, Филиппины, Сингапур, Бруней, Лаос, Камбоджа, Мьянма.

На современном этапе страны Юго-Восточной Азии в своей внешней политике постоянно наращивают партнерские связи как в рамках региона, так и с другими государствами мира. На основе диалога АСЕАН активно сотрудничает с Китаем, Индией, Японией, Россией, США и рядом других стран.

Актуальной проблемой внешнеполитической деятельности государств в регионе, по мнению основателей АСЕАН, является более широкое привлечение партнеров к диалогу о решении задач развития региона. Механизмами осуществления такого партнерства считаются такие международные площадки, как «Региональный форум», Восточно-Азиатский саммит (ВАС), а также заключение договоров АСЕАН со странами диалога о дружбе и сотрудничестве. Страны-участницы региональной международной организации ведут активную дипломатию в этом направлении, однако результатов пока нет. Стремление АСЕАН стать третьим после Китая и Индии в Восточной, Юго-Восточной и Южной Азии не находит поддержки в этой части азиатского континента.

Среди важнейших задач развития политического процесса в Центральной Азии прежде всего следует выделить проблемы углубления политической модернизации в странах бывших союзных республик – Казахстане, Киргизии, Таджикистане, Туркмении и Узбекистане. Сегодня, молодые государства стремятся, исходя из национальных интересов, определить важнейшие направления внешней политики внутри региона и на всем азиатском пространстве. В утверждённых концепциях их внешней политики подчеркивается её миролюбивый характер, многовекторность и стремление стать равноправными участниками международного сотрудничества.

Важную роль в этом играет Шанхайская организация сотрудничества, созданная в 2001 году. В рамках этой региональной организации, включающей Китай, Россию, молодые государства бывшей средней Азии и вступивших в неё позднее Индии и Пакистана, решают многие задачи развития экономического сотрудничества в современных условиях. Рост ВВП бывших среднеазиатских республик СССР в последние годы колеблется в пределах 4-5%. Выделяются при этом Казахстан и Туркмения, которые имеют самые высокие показатели ежегодного прироста валового внутреннего продукта. Сказывается здесь такие факторы, как значительное кредитование Китая и России, а также большие минеральные ресурсы молодых государств в Центральной Азии. Особенно богат ими Казахстан, располагающий значительными запасами нефти, газа, урана, плодородными землями и многое другое.

На путях независимости главной проблемой молодых государств Центральной Азии остается выбор пути развития и направленности внешней политики.

Если говорить о политической модернизации, государствам региона предстоит, исходя из большого исторического опыта народов нашей планеты, разумно сочетать цивилизованность и современные вызовы и альтернативы теперь всё более многополярного мира. Это важнейшее обстоятельство, на наш взгляд, будет определять содержание внешней политики государств Центральной Азии.

Сегодня однозначны два вектора внешней политики стран региона – Китай и Россия. Уровень партнёрства в рамках ШОС характеризуется активным и эффективным взаимодействием государств. Однако при этом есть третья сторона – Запад и США. Это направление внешней политики стран Центральной Азии предстоит определять исходя из национальных интересов и основных постулатов мировой политики на современном этапе.

Но самое большое число проблем во внешней политике у государств Западной Азии и, прежде всего, Ближнего Востока. Процесс политической модернизации в регионе проходит медленно. Консервативные тенденции исторически сложившегося уклада жизни постоянно поддерживаются исламом. Республиканизм здесь больше провозглашается, чем осуществляется в жизни. К светскому образу жизни в регионе можно отнести с большими оговорками лишь Израиль, Турцию, Ливан, Республику Кипр, Ирак. Остальные 10 государств Ближнего Востока – конституционные монархии, а Иран является религиозным государством. «Арабская весна» значительно активизировала политический процесс в Западной Азии, однако он не приносит больших изменений в жизни людей.

Во внешней политике государств региона другими актуальными проблемами являются достижение её независимости от США и стран Запада, установление прочного мира, развитие сотрудничества стран в регионе и на международной арене.

У государств Западной Азии имеются большие возможности вести внешнюю политику активно и эффективно во благо своих народов. Однако интересы ведущих стран мира в регионе мешают позитивному процессу. Ближний Восток – это центр 3-х мировых религий – ислама, христианства и иудаизма, богатейший регион минеральных энергоресурсов, туристических возможностей. Борьба за эти ресурсы является сегодня негативным фактором в осуществлении государствами политической модернизации, в развитии экономики и установлении мира в регионе. В связи с этим нет оснований говорить о развитии современной государственности и активной экономической жизни в регионе, и, следовательно, о конструктивной внешней политике стран Западной Азии.

Международные организации в регионе – Лига арабских государств (ЛАГ), Организация исламского сотрудничества (ОИС), Совет сотрудничества арабских государств Персидского залива (ССАГПЗ) оказывают слабое влияние на развитие политического процесса в регионе. США и Запад всячески поддерживают раскол исламского мира – подогревается противостояние между ветвями ислама – шиитами и суннитами.

Поездка президента США Д. Трампа в Саудовскую Аравию (2016 г.), его обвинения государства Катар в поддержке терроризма внесли раздор в объединение стран Персидского залива. В течение полугода небольшое государство находилось в региональной изоляции.

США не напрасно обратили внимание на Катар, который имеет большое влияние в регионе, осуществляет независимую внешнеэкономическую политику, поддерживая разносторонние связи со многими государствами. Катар имеет огромные запасы газа, сравнимые с российскими. США, выступая против Катара в 2016 г., пытались решить две задачи – лишить его лидерских позиций в регионе и ослабить его конкурентные возможности на мировом рынке газа.

Наряду с проблемами политической модернизации и её роли в осуществлении внешней политики и развитии внешнеэкономических связей в странах Азии актуальными являются на современном этапе вопросы безопасности в столь большом регионе мира. На нашей планете нет больше такого беспокойного континента как Азия. Во всех её частях, к сожалению, происходят конфликты с применением силы на территориальной, этнической и религиозной почве, а также в борьбе за лидерство в регионе. В последние годы в Западной Азии значительно вырос религиозный радикальный терроризм.

Причины обострения безопасности в регионе известны. К ним относятся религиозная нетерпимость, исторически доставшиеся неразрешенными территориальные споры, колониальное прошлое и современная политика США в различных районах мира.

Актуальность проблем безопасности в Азии усугубляется наличием ядерного оружия у ряда государств региона. Особенно опасным в этом является положение дел в Восточной Азии. Здесь после окончания «холодной войны» достигнут международный формат 2 x 2, т.е. баланс сил четырех ведущих стран мира: Китая, США, России и Японии. Данный формат уравнивает борьбу за лидерство в регионе, однако конфликтная ситуация вокруг Северо-Корейской ядерной программы усложняет обстановку в Восточной Азии.

Переговоры между США и КНДР, которые ведут их лидеры Д. Трамп и Ким Чен Ын пока не дают результатов. Последний их саммит во Вьетнаме обнажил целый ряд неразрешенных сегодня проблем. США стремятся в одночасье полного разоружения КНДР и прекращения ядерных испытаний, денуклеаризации Корейского полуострова. В свою очередь, лидер КНДР Ким Чен Ын потребовал от США прекращения экономических санкций, снижение присутствия американских вооруженных сил вблизи КНДР, а также недопущение военных учений в регионе.

МИД России, в лице министра Лаврова С. В., оценив итоги переговоров в интервью СМИ, подчеркнул необходимость уступок сторон для достижения цели. Судя по заявлениям стран-переговорщиков, такая работа будет вестись и их встречи будут продолжены.

Наконец, третья актуальная проблема в области безопасности в Восточной Азии является спорная принадлежность островов в регионе после окончания Второй мировой войны. Общее число их насчитывает около 350, но представляют интерес 250. Мирная конференция в Сан-Франциско после окончания войны оставила без внимания их принадлежность. В настоящее время после изучения островных территорий ряд государств стал объявлять их своими. Это прежде всего Китай, Япония, Южная Корея, Вьетнам, Индонезия, Филиппины и другие государства. Китай и Япония, ведут на более значимых островах хозяйственную деятельность, строят фортификационные сооружения, ведут их охрану на воде и воздухе.

Принадлежность островов в Южно-Китайском море и других регионах Восточной Азии представляет собой большую опасность. Разрешение конфликтности видимо следует искать на уровне Организации Объединенных Наций, которая призвана мирным путем остановить противостояние.

В феврале 2019 г. в Южной Азии в очередной раз разгорелся тлеющий конфликт между Индией и Пакистаном из-за Кашмира. Из пакистанского лагеря

сторонников ИГИЛ террорист на небольшом автомобиле, начиненном взрывчаткой, проник на территорию Индии и направил машину со взрывчаткой, в движущуюся колонну индийских военных-спецназовцев. От взрыва погибло 45 военнослужащих. Вооруженные силы при этом обменялись авиаударами, есть погибшие.

Разгоревшийся конфликт был остановлен под давлением международной общественности и ведущих стран мира. В пользу мирных переговоров высказалась Россия.

Как известно, проблема Кашмира возникла при обретении независимости Индии, раздела её территории и создании Пакистана, Бангладеша и Шри-Ланки. Территория его насыщена богатыми ископаемыми, и населена мусульманами. Их число в Кашмире превышает 90 процентов. Разрешение конфликта, как указывают международные аналитики, следует искать, опираясь на объективные факторы и нормы международного права.

Проблемы безопасности присутствуют сегодня в Западной Азии. В Йемене, Сирии и Афганистане продолжаются военные действия, в которых участвуют как арабы, так и коалиции государств во главе с США, Россией и Саудовской Аравией. По своему существу все шесть конфликтов на Ближнем Востоке являются религиозно-этническими.

Самой актуальной задачей в регионе в современных условиях является необходимость остановить военные действия. В противостоянии Палестина – Израиль важно восстановить переговоры в рамках их международного формата 2 x 4 – Израиль, Палестина и посредники ООН, ЕС, США и Россия. С помощью компромиссов следует решить вопросы взаимопризнания государственности Израиля и Палестины, прекращения строительства еврейских поселений, подтверждения международного статуса Иерусалима в соответствии с решениями ООН от 24 октября 1947 года. В этом должна быть проявлена политическая воля всех участников переговорного процесса.

Актуальной проблемой безопасности в Западной Азии является прекращения религиозного противостояния шиитов и суннитов – главных ветвей ислама. Радикальные исламистские идеи несет в Турции нурджизм, западноевропейская Концепция уммы и швейцарского профессора арабского происхождения Торика Рамадана и др. Разноголосый подход лидеров течений ислама к проблемам арабской цивилизации усугубляет обстановку во всем исламском мире, не способствует безопасности в регионе. Практическим выражением этого явились семилетние события в Сирии, на территории которой при поддержке США обосновались радикальные силы, поставившие главной задачей ИГИЛ – воссоздание Арабского Халифата в современных условиях.

Только помощь извне, действия коалиций во главе с Россией и США, удалось обуздать кровопролитие в Сирии.

Важнейшей проблемой завершающего этапа борьбы с ИГИЛ является воссоздание политического процесса в САР, проведение выборов и принятие новой Конституции. Россия, Иран, Турция и ООН активно содействуют этому, преодолевая различные дипломатические увертки.

Как видно, проблемы безопасности в Азии очень остры, многолики, порой непредсказуемые. Их незамедлительное активное разрешение является чрезвычайно важной задачей государств Азии и мирового сообщества в целом.

Таким образом, современная Азия на перекрестке двух последних столетий демонстрирует активное развитие интеграционного процесса на континенте. Важную роль в этом играют региональные подсистемы международных отношений, которые позитивно влияют на развитие сотрудничества государств во всех сферах жизни людей. Среди них наиболее успешной является Шанхайская организация сотрудничества ведущих государств континента.

На наш взгляд эта международная структура может объединить все регионы Азии в борьбе за лидерство в мире.

РАЗДЕЛ VI. Деятельность СНГ и субрегиональных организаций на постсоветском пространстве

Большинство интеграционных проектов для постсоветского пространства, которые разрабатывались в течение 1990-х годов, оказались малореалистичными и не принесли ожидаемых результатов. В них переоценивалась инерционность советского наследия, которое должно было облегчить процессы сотрудничества и, как полагали, позволить довольно быстро (в течение нескольких лет) прийти к зрелым стадиям экономической и политической интеграции новых государств.

За минувшие десятилетия многие страны Содружества существенно продвинулись по пути политической модернизации, но процесс ещё не завершен. Поиски своего места в мире неизбежно углубляют различия между молодыми странами, что, в частности, выражается в применении разных моделей реформирования национальных экономик, в различных темпах преобразования и степени государственного интервенционизма и т.д. Россия и новые независимые государства Киргизия и Молдова пошли по пути «шоковой трансформации», Белоруссия, Узбекистан и Туркменистан избрали модель постепенной трансформации с сохранением высокого уровня государственного вмешательства в экономику. На Украине, в Казахстане и других странах СНГ сочетались элементы шоковой терапии и постепенной трансформации экономики.

Разные модели политических систем и организации экономической жизни при общем движении к рынку отражают поиск баланса между культурно-политической традицией и стремлением к динамичной модернизации. Культурно-цивилизованные особенности стран СНГ позволяют их разделить на следующие регионы:

- Восточную Европу, в которую входят Россия, Украина, Белоруссия, а также Молдова;
- Южный Кавказ (Грузия, Азербайджан и Армения);
- Центральную Азию (Казахстан, Узбекистан, Туркменистана, Таджикистан и Киргизия).

Эти государства сильно различаются по уровню и соотношению цен на потребительские и промышленные товары, доходов населения, правовому урегулированию национальной экономической жизни. В ходе становления государственности между ними неизбежно усиливаются культурные и политические различия, идет поиск новых международных партнеров, реализуется многовекторная внешняя политика. Грузия и Украина стремятся стать членами НАТО. Эти же страны вместе с Молдовой видят себя в будущем членами ЕС. Азербайджан нацелен на всемерное расширение сотрудничества с

евроатлантическими структурами. Мусульманские члены СНГ для становления своей государственности активно используют потенциал исламского и тюркского мира.

Появление новых векторов внешней политики стало ответом на унаследование реальности в виде высокой степени взаимозависимости и одновременно угроз, исходящих друг от друга. Причем реализация этой политики осуществляется во многом обособленно, под влиянием прежде всего национальных интересов. Формирование идентичности ННГ происходит болезненно, поскольку политические устремления во многом не совпадают с экономическими реалиями. В большинстве постсоветских стран возникли межэтнические проблемы, которые в ряде случаев вылились в серьезные этнополитические конфликты, сопровождавшиеся военными действиями, в Таджикистане, Молдове, на Украине, Государствах Закавказья и республиках Северного Кавказа. Данные действия вызвали исход населения из района боев, разрушение имевшегося экономического потенциала, блокирование коммуникаций и другие деструктивные последствия.

Возникновение новых государственных границ существенно осложнило связи, сложившиеся в рамках единого народно-хозяйственного комплекса бывшего СССР. Преодоление пограничных барьеров для хозяйствующих субъектов связано с существенным повышением транзакционных издержек (таможенный, пограничный и санитарный контроль, расходы на конвертацию валют, страхование и т.д.). Рассечение некогда единого в экономическом отношении пространства обернулось ограничением доступа на рынки соседей в виде ввозных пошлин, товарных квот и прямых запретов на поставки тех или иных изделий. Затруднение доступа на рынки друг друга стало одной из причин длительного экономического спада в 1990-е годы, который затронул большинство бывших союзных республик.

Характерной особенностью экономики постсоветских стран в 1990-е годы стало уменьшение объемов ВВП в 2-3 раза. Параллельно происходило упрощение её структуры, резко сократилась доля обрабатывающей промышленности и высокотехнологичных производств. Одновременно увеличилась доля добывающих отраслей и производств низкой степени обработки. Это сделало национальные экономики более уязвимыми от колебаний мировой конъюнктуры, что показал финансово-экономический кризис 2008-2009 годов.

Социальная плата за выбор, сделанный в 1991 г., оказалась непомерно высока. За 1990-е годы реально располагаемые денежные доходы населения во всех странах – участницах СНГ сократились более чем на половину.

На фоне бедности, основными факторами которой являются высокий уровень безработицы, низкий уровень заработной платы и пенсий и других

социальных пособий, произошло развитие различных социальных патологий: сокращение ожидаемой продолжительности жизни, особенно у мужской части населения, депопуляция европейских стран Содружества, бурное расширение наркомании, СПИДа, туберкулеза и других характерных для бедности заболеваний.

По данным доклада ПРООН (программы ООН), в 1990 г. СССР в рейтинге Индекса человеческого развития занимал 30-е место. В настоящее время страны СНГ сильно дифференцированы по этому показателю: 67-е место у Белоруссии и 124-е место у Таджикистана среди 179 стран мира.

Вместе с тем создание СНГ сыграло роль важного психологического амортизатора для населения. Люди надеялись на сокращение единого пространства и возможностей для привычного общения. Появление международно-политического региона на постсоветском пространстве объективно было неизбежно. Слишком многое связывало народы и элиты новых государств. Отсюда завышенные ожидания в отношении Содружества как новой формы объединения бывших республик СССР. Однако СНГ не обрело черт ни зрелого регионального объединения, ни, тем более, конфедерации. Его атрибутами стали организованные структуры, схожие с общепринятыми в мировой практике региональных объединений, находящихся на начальных стадиях развития.

К настоящему времени Содружество стало её подсистемой, т.е. неотъемлемым элементом мировой политической системы, реальностью, которая существует независимо от того или иного субъективного отношения к ней. Структуры СНГ выполняют в основном консультационно-координационные функции. Это, вероятно, максимально возможные функции для организации, объединяющие столь разные по уровню развития, размера, культурным особенностям и политической ориентации страны. Однако, учитывая имеющийся потенциал в виде технологической близости, структурного взаимодополнения, имеющийся транспортной инфраструктуры, объединяющей роли русского языка и другой, можно было бы надеяться на больший прогресс Содружества как интеграционного объединения. Хорошее понимание логики действий партнеров по СНГ помогает лишь удерживать определенный статус-кво и не более того.

Политические и экономические, внутренние и внешние причины низкой эффективности СНГ как организации регионального сотрудничества, наиболее часто приводимые аналитиками, сводятся к следующему.

Это прежде всего молодая государственность стран-участниц, различия в их экономических и политических системах, отсутствие демократических традиций, преобладание в становлении новой государственности элементов

националистической идеологии. Боязнь ряда стран – участниц СНГ имперских устремлений России и восприятие ее как угрозы для своего суверенитета.

Сюда же следует отнести противоречия между принципом равноправия стран-участников и преобладающим размером России, и в то же время её неготовность выступить в качестве локомотива интеграции или донора остальных стран-участниц, а также избрание модели интеграции, не соответствующей реальным условиям молодых государств.

Большое противодействие интеграции со стороны Запада, международных финансовых организаций и крупных транснациональных корпораций.

Трудности интеграции связаны так же и с отсутствием, до последнего времени, неправительственных организаций, объединивших бы деловую, политическую и интеллектуальную элиту стран СНГ. На Западе такие институты не только широко распространены, но и оказывают существенное влияние на политику, общество и экономику ведущих стран государств и мира в целом.

Таким образом, СНГ не стало пока организацией, объединяющей страны-участницы, вокруг общего интеграционного проекта, регулирующей и совмещающей траектории экономического и политического движения новых государств. Деятельность Содружества не в состоянии ощутимо помочь странам-участницам в решении их наиболее острых проблем, возникших или обострившихся в результате распада СССР, таких как бедность, низкая конкурентоспособность экономики, экономические и политические противоречия между странами, территориальная целостность ряда государств. В то же время СНГ играет определённую роль в сдерживании центробежных тенденций и распада постсоветского пространства.

В условиях 1990-х годов – периода экономического спада и становления национальной государственности – безликая деятельность СНГ была вполне объяснима. В условиях экономического роста, адаптация экономических и политических систем государств к изменившимся геополитическим условиям вполне обоснованно встал вопрос о месте СНГ и системе международных экономических и политических отношений и путям её реформирования.

В октябре 2007 г. на саммите в Душанбе была принята Концепция дальнейшего развития СНГ и План основных мероприятий по ее реализации. Через год в 2008 г. в Кишиневе на Совете глав правительств была принята Стратегия экономического развития СНГ. В качестве основной цели Содружества в этом документе определяется содействие эффективному развитию каждого их участника в ВТО, расширение сотрудничества в экономической и гуманитарной областях, стремление к сближению национальных законодательств. Среди приоритетных направлений деятельности СНГ выделяется завершение введения полномасштабного режима свободной торговли без ограничений и изъятий

соответствующих требованиям ВТО, развитие сотрудничества в сфере транспорта, энергетики, разработки и внедрения новых технологий, создание эффективных механизмов платёжно-расчётных отношений. Стратегия, как и большинство других документов СНГ, будет теперь реализовываться в основном в рамках национальных программ развития, а также заключаемых межгосударственных соглашений, подлежащих ратификации национальным парламентом. Она имеет рекомендательный характер и дает общие ориентиры развития и сотрудничества стран Содружества.

Если рассматривать Стратегию как документ, призванный активизировать сотрудничество, то нельзя не видеть того, что с ним непосредственно конкурирует разработанное ЕС «Восточное партнерство», целью которого является создание ЗСТ между ЕС и половиной стран СНГ – Арменией, Азербайджаном, Белоруссией, Грузией, Молдовой и Украиной.

Неудовлетворенность новых государств деятельностью СНГ и одновременно стремление использовать фактор регионального сотрудничества для целей экономического развития на многосторонней основе в конце XX столетия выразилось в попытках создания новых межгосударственных объединений вне рамок организации СНГ. Идеологической платформой новых региональных проектов стала концепция разносторонней интеграции. Она исходила из того, что не все страны по разным политическим и экономическим причинам готовы в одном темпе двигаться по пути углубления сотрудничества. Поэтому группа стран, готовая перейти к более продвинутым стадиям миграции, может не ждать остальных членов СНГ. Последние по мере готовности могут присоединиться к странам авангардной группы.

Попытки создания новых региональных группировок были обусловлены совокупным действием как экономических, так и политических факторов. В результате экономических реформ носителями интеграционной мотивации в сфере экономики всё сильнее выступают крупные корпорации и банки при том, что в политической сфере незыблемой остается роль государств.

10 октября 2000 г. в столице Казахстана г. Астане государствами – членами Таможенного союза был подписан договор о создании ЕврАзЭС. В договоре «пятерка» определяется как международная организация, в нем прописывается её институциональная структура, механизмы принятия решений, членства, финансирования и правоспособности.

В Заявлении глав государств–учредителей ЕврАзЭС подчёркивается, что его создание стало следствием следующих факторов: достигнутого уровня взаимодействия стран в торгово-экономической области, т.е. отмены во взаимной торговле тарифных и количественных ограничений; введение по большей части

товарной номенклатуры общих таможенных тарифов; осуществление согласованных мер нетарифного регулирования.

Важной особенностью стран – участниц ЕврАзЭС является принадлежность к разным социокультурным системам. Это проявляется в разных моделях развития городского и сельского населения, различиях в уровне образования и т.д.

Социокультурный фактор, т.е. традиции в выработке, принятии и осуществлении экономических и политических решений, склонность к авторитарным или демократическим формам общественной жизни, ментальность населения и его трудовые навыки, свобода циркуляции информации, может служить барьером при переходе к более глубоким формам сотрудничества. Культурно-цивилизационная дифференциация отчасти нейтрализуется сохраняющейся ролью русского языка как средства межнационального общения, технологической общностью, сходством образования и подготовки кадров, общим историческим прошлым. В целом славянская и тюркская культуры характеризуются взаимной совместностью (мультикультурностью), связанной с многовековым совместным проживанием и взаимодействием.

Регион ЕврАзЭС, на основе упомянутых различий можно разделить на два субрегиона: северный и южный. Первый образует Белоруссия, Россия и Северный Казахстан. Это наиболее развитая часть ЕврАзЭС. Россия и Белоруссия пошли по пути создания Союзного государства. Довольно динамично развивается сотрудничество России (особенно уральских и сибирских регионов) с регионами Северного Казахстана. В его орбиту активно включены отрасли ТЭКа и металлургия. В Северном Казахстане концентрируется русскоязычное население.

Ядро ЕврАзЭС, составляет Россия и Казахстан, экономические отношения которых характеризуются активным взаимопроникновением национальных капиталов. Казахстан экономически и политически наиболее близкая к России страна. Весьма важно и то, что с Казахстаном граничат сибирские и приволжские регионы России, удаленные от мировых рынков. В приграничных с Казахстаном областях располагаются крупнейшие промышленные центры России: Волгоград, Самара, Саратов, Челябинск, Омск и Новосибирск. На приграничные районы приходится более половины взаимной торговли обеих стран.

Южный субрегион образуют Южный Казахстан, Киргизия и Таджикистан. Они в среднем менее развиты и в их экономических связях важную роль играет Узбекистан, занимающий центральное место в регионе. Субрегион характеризуется значительно большей геополитической нестабильностью, чем северный субрегион. Входящие в него страны принадлежат к тюркской (за исключением Таджикистана) и исламской культурной системам. В сотрудничестве участвуют главным образом некрупные предприятия, работающие в основном на субрегиональном рынке.

На развитии ЕврАзЭС как интеграционной группировки сильно сказываются большие контрасты стран-участниц по уровню развития при общем его низком уровне, их культурно-цивилизационную и политическую неоднородность, большие расстояния, разделяющие страны-участницы при отсутствии надежных, разветвленных средств коммуникации, слабую экономическую связанность северного и южного субрегиона. Сообщества, связанные с потенциальными межэтническими и конфессиональными конфликтами и вполне вероятной экспансией исламского радикализма из соседнего Афганистана. С этим связаны более высокие риски инвестиционной деятельности и сотрудничества в южном субрегионе ЕврАзЭС, чем в северном.

В последние годы в рамках ЕврАзЭС произошло несколько крупных институциональных событий. В 2006 г. Россией и Казахстаном был учрежден Евразийский банк развития, призванный финансировать интеграционные проекты как стран-учредителей, так и других стран Сообщества.

Важным новшеством в деятельности ЕврАзЭС стало создание Антикризисного фонда с капиталом в 10 млрд. долл. Основными вкладчиками фонда стали Россия и Казахстан. Из данного фонда планируется поддерживать антикризисные меры стран-участниц, и в дальнейшем финансировать интеграционные проекты стран-учредителей.

Особенностью российско-белорусского интеграционного проекта является то, что в нём участвуют две страны, принадлежащие к одной культурно-цивилизационной системе, экономически и социально тесно связанные, объединенные многовековой историей совместного проживания в одном государстве.

Экономические интересы России в Белоруссии связаны главным образом с ее транзитным положением. По белорусским коммуникациям следует около 70% грузовых перевозок, между Россией и ЕС. Особую значимость белорусский коридор имеет для экспорта российских энергоносителей. По территории Республики Беларусь проходят важнейшие экспортные нефтепроводы Самара – Вентспилс и «Дружба», газопроводы, входящие в «Белтрансгаз», а также трасса мощного газопровода «Ямал – Западная Европа». По сетям Белтрансгаза в Калининградскую область, Польшу, Литву и Украину ежегодно проходит около 17 млрд. м³. Всего по белорусскому транспортному коридору из России экспортируется около 40% всей вывозимой нефти и 15% газа.

Кроме того, Белоруссия привлекательна для России наличием диверсифицированной обрабатывающей промышленности, изначально включенной в широкую кооперацию с российской промышленностью. Белоруссия является вторым среди стран СНГ после Украины потребителем российских энергоносителей – 20 млн. т. нефти и 20,6 млрд. м³ газа, 2,6 млрд.

кВт*ч электроэнергии. Это значительный рынок для российских товаров высокой степени обработки, ёмкость которого будет возрастать по мере экономического роста в этой стране и увеличения благосостояния её населения.

Для Белоруссии российский рынок является безальтернативным в отношении сбыта продукции и получения необходимых сырья, энергоносителей и материалов. Россия – практически единственный поставщик энергоресурсов, прежде всего нефти и газа, основной рынок сбыта продукции многих отраслей белорусской экономики, особенно обрабатывающей промышленности. Экспорт в РФ составляет около 20% ВВП Белоруссии. Многие виды продукции, производимые в республике, предназначены почти исключительно для российского рынка. Так, свыше 85% продукции Минского автомобильного завода (МАЗ) реализуется в РФ. Она занимает более трети российского рынка грузовиков. На Россию приходится около 100% вывозимого из Белоруссии сахара, мясных и молочных продуктов, около 90% обуви, 80% холодильников, 70% мебели, 75% телевизоров, 40% тракторов.

В условиях кризиса 2008-2009 гг. образовался целый узел противоречий между странами. В России резко сократился спрос на белорусские инвестиционные товары и товары длительного пользования. Сокращение притока в страну денежных средств вызвало проблемы с платёжным балансом, которые страна пытается решить путем привлечения кредитов. Однако условия их предоставления превращаются в предмет торга между двумя странами, в котором руководство Белоруссии в полной мере оценивает стратегическую важность своей страны для России. Кризис подталкивает стороны к защите своих производителей. В частности, это выразилось в развернувшейся в июне 2009 г. «молочной войне».

Пока до конца неясно, как будут развиваться экономические отношения между Россией и Белоруссией, и как будет строиться Союзное государство. Экономическая конструкция Союзного государства, основу которой составлял его обмен льготных условий транзита российских углеводородов в Европу на поставки энергоносителей из России в Белоруссию по льготным ценам, оказалась неустойчивой. Военно-политические мотивации создания Союзного государства сохраняются, а экономические – при сохранении в Белоруссии тесно связаны с тем, насколько белорусские власти готовы приблизить экономическую систему своей страны к России. До сих пор существующие отличия от России являются проблемой экономических связей государств. Сокращение финансовых ресурсов Белоруссии в результате приближения преференциальных цен на энергоносители к рыночным ценам неизбежно вызовет изменения в экономической политике Белоруссии, но какими они будут с точки зрения прогресса Союзного государства, покажет время. Следует отметить, что руководство Белоруссии

пытается активизировать сотрудничество с ЕС в разных форматах, Китаем и другими странами.

Вполне очевидно, что консолидация постсоветского пространства во многом обусловлена тем, насколько активно Россия способствует экономическому развитию своих близких соседей. Однако она сталкивается здесь с растущей конкуренцией других государств, предлагающих свои капиталы и технологии, свой опыт рыночной трансформации и использования возможностей глобальной экономики для обновления национальных экономик.

Российский фактор проявляется, прежде всего, в восстановлении и развитии традиционных производств, сложившихся в советское время. Модернизационный импульс от России, выражающийся в появлении новых технологий и производств, для стран Содружества пока невелик.

Ряд стран Содружества рассматривают Россию как гаранта своей безопасности и внутренней стабильности. Одновременно другие страны видят в ней препятствие для восстановления своей целостности и реализации планов интеграции в евроатлантические структуры.

В своём стремлении проводить независимую от России внешнюю политику большинство стран СНГ опирается на поддержку США и ЕС, которых они рассматривают как гарантов своей независимости. Последние, в свою очередь, активизируют деятельность по укреплению своего политического и экономического влияния на постсоветском пространстве и недопущению реализации так называемых «имперских амбиций» России. Одновременно вполне осязаемы попытки соседних Ирана, Китая, Польши и Турции укрепить своё влияние в постсоветских странах.

США и ЕС предлагают для пространства Содружества свои проекты сотрудничества и модернизации. Речь идёт на первом этапе о приобщении Грузии, Молдовы, Украины и Азербайджана к западным стандартам демократии в обмен на материальную и интеллектуальную помощь, а в последующем – об интеграции ряда стран в евроатлантические структуры. Необходимо отметить, что для этой интеграции данные страны готовы поступиться своим суверенитетом.

Стремление ряда ННГ в НАТО отражает недоверие к России, сомнения в её перспективах как стабильного, успешного государства. Это недоверие порождает встречное недоверие России как к странам-соискателям, так и к НАТО. Стремление тех же стран в ЕС отражает усиление экономического и политического контроля Брюсселя над ними и ослабление влияния России в этих странах, что имеет своё экономическое, культурное и психологическое измерение. Евроатлантическая ориентация западных стран СНГ в определённом смысле ослабляет позиции России в диалоге с Европой и фактически подталкивает её к активизации политики по южному и китайскому векторам.

Таким образом, проведённый анализ деятельности СНГ как подсистемы МО в XXI в. показывает, что Содружество Независимых Государств не стало мощным региональным объединением и занимает скромное место в международном разделении труда. Политика стран СНГ отражает их стремление укрепить обретенный суверенитет и обеспечить национальную безопасность, опираясь на возможности, представляемые мировым сообществом и советским наследием. Сила воздействия глобализации на новые государства выглядит мощнее, чем усилия по развитию регионального сотрудничества на постсоветском пространстве. Об этом свидетельствует деятельность региональных интеграционных группировок.

В настоящее время складывается новая ситуация для развития региональных структур. Под влиянием меняющихся экономических и политических факторов происходит коррекция их целей, программ и механизмов деятельности. По экономике и взаимным связям стран Содружества сильно ударил мировой финансово-экономический кризис, который подтолкнул их, с одной стороны к усилению протекционизма, а с другой – к поиску новых форм углубления сотрудничества.

Важным фактором, влияющим на региональное сотрудничество, является членство в ВТО или стремление к нему, поскольку страны Содружества осуществляют эти процедуры на индивидуальных условиях. Обязательства перед ВТО создают серьёзные ограничения для проведения странами СНГ скоординированной, таможенной и макроэкономической политики. В связи с этим роль СНГ – как региональной подсистемы может возрасти.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Как видно из изложенного, региональные подсистемы международных отношений в XXI столетии представляют собой сложившуюся устойчивую часть глобальной системы МО, которая постоянно развивается и играет большую роль в мировой политике и современных международных отношениях. В начале нынешнего столетия региональные подсистемы МО значительно расширили свою деятельность как в рамках собственных территорий, так и в целом на международной арене. На европейском политическом пространстве Евросоюз продолжает доминировать в решении актуальных проблем современного развития государств континента. Среди них проблемы безопасности, экономики и её ведущей отрасли – энергетики, проблемы взаимоотношений с Россией. Лидеры ведущих стран Европы всё больше высказываются за восстановление всестороннего сотрудничества ЕС и РФ. Недавно Канцлер Германии А. Меркель заявила о том, что вопрос безопасности в Европе нельзя решить без участия России. В то же время президент Франции И. Макрон неоднократно подчеркивал необходимость расширения взаимодействия стран Евросоюза и России в решении международных проблем. Такие же высказывания мы слышим от глав правительств Австрии и Италии – С. Курца и Дж. Конте. Следуя объективной логике сотрудничества в современных условиях Европе и России необходимо объединение усилий их позиций в решении международных проблем. Это хорошо понимают в США, Великобритании и Японии, которые являются конкурентами и, следовательно, противниками восстановления нормальных межгосударственных отношений.

Выход Великобритании из состава Европейского Союза несколько ослабляет его, однако возможности ЕС на континенте и в международных отношениях остаются достаточно большими. На территории Европы действует свободная экономическая зона, функционирует Европейский Банк, кредитующий экономику на континенте. Европарламент и Еврокомиссия разработали программы поддержки развития государств Центральной и Южной Европы, стран Прибалтики. Примером консолидированного подхода в решении экономических проблем является Греция. Неминуемый крах её экономики во время её кризиса был предотвращен общими усилиями Европейского Союза. В 2018 – 2019 гг. наметился рост ВВП в Греческой Республике.

Главной проблемой Евросоюза является давление США, которые ведут свою имперскую политику в регионе. Действия Белого Дома в Европе осуществляется только с позиций американских интересов. Об этом свидетельствуют многие факты. Наиболее доказательным среди них является

Проект договора о зоне свободной торговли США со странами Европейского Союза. В его 20-м пункте было сформулировано положение о привилегированном американском рынке сжиженного газа в Европе. Прошло более 10 лет, как европейцы увидели возрождение этой американской позиции в санкциях Соединенных Штатов против компаний, строящих газопровод из России в Европу «Северный поток-2». Столь откровенные действия США на европейском экономическом пространстве вызывают все большее несогласие политической элиты в ЕС и населения государств континента.

Начало XXI столетия для региональной американской подсистемы международных отношений (ОАГ) стало временем больших перемен. Как показывает анализ политической обстановки, на континенте сформировались две тенденции в её развитии. Первая – усиление давления США с позицией «Доктрины Монро» Америка для американцев. Политика американизма не нова, но сегодня Соединенные Штаты более открыто и откровенно говорят о неугодных континентах, европейских и азиатских государствах Латинской Америки, о неугодных Белому Дому правительствах стран континента. Об этом красноречиво свидетельствуют действия США против Венесуэлы, Боливии и Никарагуа.

Сегодня деятельность ОАГ и Меркосур находится под контролем Соединённых Штатов, государства – члены этих международных отношений подчиняются воле Белого Дома. Однако противодействие американскому давлению на континенте растет. Эта тенденция в деятельности стран Латинской Америки в первые десятилетия нынешнего столетия возрастает. Ввиду агрессивности американского внешнеполитического курса, постоянного диктата Вашингтона на континенте растут оппозиционные настроения. Их активно выражает региональная международная организация «РИО», объединяющая 12 государств (1984 г.), Она является решительным оппонентом действия США в Латинской Америке, активно выступая на полях Организации Объединенных Наций, защищая интересы латиноамериканцев.

В начале XXI столетия страны африканского континента показывают позитивные результаты в процессе политической модернизации. В первые 10 лет, несмотря на кризисные явления в мировой экономике, среднегодовые темпы прироста экономики составляли 4-5%. Во втором десятилетии начался процесс замедления ввиду снижения роста экономики Китая до 6% в год, который является важнейшим инвестором экономики стран региона, а также в связи с внутренними проблемами африканских государств в современных условиях.

В решении стоящих задач развития континента важное место занимает интеграционный процесс и роль в нем Африканского Союза – региональной подсистемы международных отношений. Главной своей задачей, согласно программным установкам, он ставит защиту национальных интересов государств

континента. На Саммите Африканского Союза 2013 г. была принята «Повестка 2063» - стратегический план развития континента на 50 лет. В соответствии с ним предусматривается формирование в Африке таких интеграционных институтов: а) Создание Африканского таможенного союза; создание общего африканского рынка; образование валютного союза; создание единых институтов законодательной, исполнительной и судебной властей, и единого гражданства. Важнейшим шагом в реализации столь амбициозного плана явилось создание африканской континентальной зоны свободной торговли (АФСЕТА). При этом предусматривалось снижение таможенных пошлин на 90% между странами.

Африканская подсистема международных отношений в начале XXI века демонстрирует стремление к развитию континента в сложных современных условиях.

В то же время азиатские подсистемы международных отношений АТЕС, Южная Азия, ШОС, ЛАГ, субрегиональные организации ССА, ГПЗ И ОИС в начале XXI столетия стали активнее в решении региональных проблем. Особенно выделяется при этом ШОС, АТЕС И ЛАГ, которые на наш взгляд, добились значительное влияние на состояние международного развития в рамках своих регионов и за их пределами.

Большие перспективы в этом имеет Шанхайская организация сотрудничества, которая объединяет такие страны, как Китай, Индию, Россию и др. располагающие мощными внешнеполитическими ресурсами. Может усилить свои внешнеполитические позиции Восточная и Юго-Восточная Азия на континенте, поскольку наметилась тенденция объединения АТЭС И АСЕАН. Процесс этот обсуждается многие годы, решение объединения потребует времени.

Во втором десятилетии XXI века усиливаются позиции СНГ на постсоветском пространстве. Региональная организация отметила свое 25-летие. Несмотря на сложные отношения между бывшими советскими республиками Содружество Независимых Государств оказывает плодотворное влияние на интеграционные связи России и молодых государств в области экономики, транспорта, связи, культуры и образования. В последние годы, в связи с обострением военно-политической обстановки на Ближнем Востоке и в странах Магриба наметилась тенденция сближения позиций государств – членов Содружества в борьбе с исламским радикализмом и терроризмом.

Деятельность СНГ на постсоветском пространстве постоянно поддерживается субрегиональными международными организациями Евразийским экономическим Союзом и Организации Договора о коллективной безопасности. Они во многом дополняют деятельность СНГ, особенно в таких важнейших сферах, как экономика и безопасность в регионе.

Важную роль в интеграционном процессе на постсоветском пространстве на современном этапе стали играть международные региональные форумы в Санкт-Петербурге, Москве, Владивостоке и Сочи. В них учувствуют представительные делегации многих стран. В ходе их обсуждаются важные проблемы экономического сотрудничества, заключаются договоры по совместным проектам бизнеса, устанавливаются контакты фирм, компаний, расширяется экономическое сотрудничество между государствами.

Региональная подсистема международных отношений на постсоветском пространстве в начале двадцать первого столетия набирает силу, становится важной организацией в системе международных отношений.

В целом, роль региональных подсистем международных отношений в XXI столетии неуклонно возрастает. Столь важный процесс основывается на базе объективной необходимости сотрудничества государств и народов мира в жизненно важных областях.

ГЛОССАРИЙ

Азиатско-Тихоокеанский регион (АТР) – государства, расположенные по периметру Тихого океана и островные страны в океане. Формирующийся мировой полюс экономической мощи (наряду с США и Западной Европой). Крупные государства, относящиеся к региону АТР: Австралия, Вьетнам, Индонезия, Канада, КНДР, КНР, Колумбия, Мексика, Перу, Россия, Южная Корея, Сингапур, Таиланд, США, Филиппины, Чили, Эквадор, Япония.

Андское сообщество – организация, которая включает Боливию, Колумбию, Перу, Чили (вышла из сообщества в 1976 году), Эквадор. Создано в мае 1969 года. Целями организации являются выработка единой экономической политики, гармонизация законодательства, установление тесных связей между регионами Андского сообщества.

«Арабская весна» - революционная волна демонстраций и протестов, начавшихся в арабском мире 18 декабря 2010 года. Произошли революции в Тунисе и Египте, гражданская война в Ливии, которая привела к падению режима: гражданские восстания в Бахрейне, Сирии и Йемене; массовые протесты в Алжире, Ираке, Иордании, Марокко и Омане; и менее значительные протесты в Кувейте, Ливане, Мавритании, Саудовской Аравии, Судане и Западной Сахаре. Столкновения на границе Израиля в мае 2011 года также были спровоцированы местной Арабской весной. Основным лозунгом демонстрантов в арабском мире был «Народ хочет падения режима».

АСЕАН – Ассоциация Юго-Восточной Азии – была основана в 1967 году. Первоначальные участники: Индонезия, Малайзия, Сингапур, Филиппины и Таиланд. Затем присоединились Бруней, Вьетнам, Лаос, Мьянма и Камбоджа. Основные цели организации – экономическое, социальное, политическое и культурное сотрудничество, развитие интеграционных процессов в регионе.

Африканский союз – международная межправительственная организация, объединяющая 54 государства Африки. Правопреемник Организации африканского единства. Основана в июле 2002 года. Штаб-квартира находится в Аддис-Абебе (Эфиопия).

Ближний Восток – регион, расположенный в Западной Азии и Северной Африке. Включает страны: Азербайджан, Армению, Бахрейн, Грузию, Египет, Израиль, Иорданию, Ирак, Иран, Йемен, Катар, Кипр, Кувейт, Ливан, ОАЭ, Палестинскую национальную администрацию, Сирию, Саудовскую Аравию, Турцию.

ЕврАзЭС – Евразийское экономическое сообщество. Образовано в 2000 году на базе учрежденного в 1995 году Таможенного союза. В состав ЕврАзЭС вошли Россия, Белоруссия, Казахстан, Киргизия и Таджикистан.

Европейский Союз – интеграционное объединение, в состав которого входит 28 государств. Сам Союз был оформлен Маастрихтским договором в 1992 году на основе Европейских сообществ. ЕС сочетает в себе признаки международной организации (сотрудничество между государствами) и государства (надгосударственность). У ЕС есть собственная валюта – евро.

Жесткая сила – применение жестких инструментов власти или политики (военных, экономических аспектов) для подчинения интересов других политических сил.

Ислам – мировая религия. Ислам означает «повиновение» (некоторые трактуют как «предание себя Богу», «подчинение»). Священная книга ислама – Коран. Существует «пять столпов ислама»: символ веры (шахада), молитва пять раз в день (намаз), пост (саум), милостыня (закят) и паломничество (хадж). Следует учению пророка Мухаммеда. Пророк Мухаммед – пророк ислама, направленный Богом ко всему человечеству. Ислам имеет несколько течений – суннизм и шиизм.

ЛАГ – Лига арабских государств – политическая и экономическая организация, созданная в 1945 году и включающая 21 государство и Организацию освобождения Палестины. Штаб-квартира находится в Каире (Египет).

МЕРКОСУР – общий рынок стран Южной Америки. Экономическое и политическое соглашение между Аргентиной, Бразилией, Уругваем, Парагваем и Венесуэлой. Основано в 1991 году. Страны МЕРКОСУРА стремятся к содействию свободной торговли между странами, гибкому движению товаров, населения и валюты стран-участников объединения.

Мягкая сила – распространение определенных политических, культурных ценностей без применения военной силы.

НАФТА – (англ. North American Free trade Agreement, NAFTA) – соглашение о свободной торговле. Подписано США, Канадой и Мексикой в декабре 1992 года. Основная цель – устранение барьеров в сфере торговли и инвестиций между США, Канадой и Мексикой.

НАТО – (англ. North Atlantic Treaty Organization, NATO) – военно-политическая организация, которая объединяет 28 государств в основном из стран Европы, США и Канада. Подписание об основании блока было в апреле 1949 года.

ОДКБ – Организация Договора о коллективной безопасности – военно-политический союз. Соглашение о создании было подписано в мае 1992 года. Государствами-членами ОДКБ являются Армения, Казахстан, Кыргызстан, Россия, Таджикистан, Беларусь.

Постсоветское пространство – территория бывших союзных республик образующих СССР. После провозглашения новых независимых государств

произошла регионализация постсоветского пространства с учетом природно-географических, этнонациональных и этноконфессиональных особенностей. Восточная Европа включает Россию, Украину, Белоруссию. Выделяются страны Балтии (Литва, Латвия, Эстония), Южного Кавказа (Грузия, Азербайджан, Армения), Центральная Азия (Казахстан, Узбекистан, Туркменистан, Таджикистан и Киргизия). Молдова, этнически тяготеющая к Румынии, формально включается в восточную Европу. Постсоветское пространство часто отождествляется с Содружеством Независимых Государств (СНГ).

Регион – особый вид территории, характеризующийся специфической целостностью, крупная территориальная единица. Существуют природные, политические, экономические и др. регионы.

Содружество Независимых Государств (СНГ) – межгосударственное объединение, образованное Белоруссией, Россией и Украиной (подписано 8 декабря 1991 года). 21 декабря 1991 года к Соглашению присоединились Азербайджан, Армения, Казахстан, Киргизия, Молдавия, Таджикистан, Туркмения, Узбекистан.

Центральная Азия – геополитический регион, включающий Казахстан, Узбекистан, Таджикистан, Туркменистан и Киргизию.

ШОС – Шанхайская организация сотрудничества – учреждена в 2001 году вместо созданной в 1995 году «Шанхайской пятёрки». Объединяет Китай, Россию, Казахстан, Узбекистан, Киргизию и Таджикистан. Основная цель организации – обеспечить региональную безопасность и содействовать экономическому сотрудничеству, противодействовать угрозам терроризма, сепаратизма, экстремизма, наркоторговли и организованной преступности.

Южный Кавказ – геополитический регион, в который входят Азербайджан, Грузия и Армения. В этом же регионе находится Абхазия и Южная Осетия.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Официальные документы

1. Венская конвенция о дипломатических сношениях. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/dip_rel.shtml
2. Военная доктрина Российской Федерации на период до 2020 г. URL: http://stat.doc.mil.ru/documents/quick_search/more.htm?id=10363898@egNPA
3. Декларация о правах и достоинстве человека X Всемирного Русского Народного Собора. URL: <http://www.mospat.ru/index.php?page=30728>
4. Доктрина информационной безопасности Российской Федерации (2003). URL: www.rg.ru/oficial/doc/min_and_vedom/mim_bezop/doctr.shtml
5. Конвенция об охране и поощрении разнообразия форм культурного самовыражения. Париж, 20 октября 2005 г. URL: <http://unesdoc.unesco.org/images/0014/001429/142919r.pdf>
6. Конституция ИРИ. URL: <http://constitutions.ru/archives/140>
7. Конституция Российской Федерации URL: www.constitutions.ru/
8. Концепция внешней культурной политики Российской Федерации. URL: www.mid.ru/bdomp/Ns-osndoc.nsf/.../Приложение%20№%201.doc
9. Концепция внешней политики Российской Федерации (2008). URL: <http://kremlin.ru/acts/785>
10. Концепция внешней политики Российской Федерации (2013). URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDDBF7DA644257B160051BF7F
11. Концепция внешней политики Российской Федерации (2016). URL: <http://kremlin.ru>

II. Официальные сайты

1. Официальный сайт президента РФ Путина. URL: <http://kremlin.ru>
2. Официальный сайт правительства России. URL: <http://government.ru/>
3. Официальный сайт МИД России. URL: <http://www.mid.ru/bdomp/>
4. Официальный сайт ООН. URL: www.un.org
5. Официальный сайт Европейского Союза. URL: www.europa.eu.int
6. Официальный сайт ЕвразЭС. URL: www.evrases.com
7. Официальный сайт СНГ. URL: <http://www.cis.minsk.by>
8. Официальный сайт Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. URL: <http://www.iacis.ru>
9. Официальный сайт Экономического суда СНГ. URL: <http://www.sudsng.org/>

10. Организация Исламская конференция (ОИК). URL: <http://www.oic-oci.org/oicv2/>

III. Книги

1. Абашидзе А.Х., Урсин Д.А. Неправительственные организации: международно-правовые аспекты. М., 2002
2. Актуальные проблемы деятельности международных организаций/ Отв. Ред. Г.И. Морозов. М., 1982.
3. Алексеева Т.А. Современные политические теории. М.: РОССПЭН, 2000
4. Алексеева Т.А., Казанцев А.А. Внешнеполитический процесс: Учеб. пособие для студентов вузов. М.: Аспект Пресс, 2012
5. Антюхина-Московенко В.И., Злобин А.А., Хрусталёв М.А. Основы теории международных отношений. М.: МГИМО, 1989.
6. Арбатов Г.А. Затянувшееся выздоровление (1955-1985): свидетельство современника. М., 1991
7. Аснер П. Насилие и мир. СПб., 1999.
8. Арутюнян Ю.В., Дробижева Л.М., Сусоколов А.А. Этносоциология. М.: Наука, 1998
9. Ачкасов В.С., Ланцов С.А. Мировая политика и международные отношения: Учебник. М.: Аспект Пресс, 2011
10. Барышников Д.П. Конфликты в мировой политике: Учеб. пособие. М.: Восток-Запад, 2008
11. Барыгин И.Н. Актуальные проблемы международного регионоведения: Учеб. пособие, 2010
12. Бергер С. Внешняя политика для президента-демократа// Россия в глобальной политике. 2004. №3. Май-июнь.
13. Бжезинский З. Великая шахматная доска. М., 2003
14. Богатуров А.Д. Великие державы на Тихом океане. М.:МОНФ, 1997.
15. Богатуров А.Д., Виноградов А.В. Анклавно-конгломератный тип развития. Опыт транссистемной теории// Восток-Запад-Россия: Сб. статей.М.: Прогресс-Традиция, 2002
16. Богатуров А.Д., Косолапов Н.А., Хрусталёв М.А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. М.:МОНФ, 2002
17. Богатуров А.Д. «Стратегия перемалывания» в международных отношениях и внешней политике США/ Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия: В 4 т. Т. I. М.: РОССПЭН, 2002.
18. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001

19. Вебер М. Протестантская этика и дух капитализма// Вебер М. Избранные произведения. М., 1990
20. Вендт А. Четыре социологии международной политики// Международные отношения: социологические подходы/ Под ред. П.А. Цыганкова. М.:Гардарики, 1998
21. Вепринцев В. Б., Манойло А.В., Петренко А.И., Фролов Д.Б. Операции информационно-психологической войны. М.: Изд-во Горячая линия Телеком, 2005
22. Власть и демократия. Зарубежные ученые о политической науке/ Под ред. П.А. Цыганкова. М.: РОУ, 1992
23. Внешняя политика: вопросы теории и практики: Материалы научного семинара/ Под ред. П.А. Цыганкова . М.: КДУ, 2009
24. Володин А., Широков Г. Глобализация. М.: Наука, 2002
25. Володин А.Г., Широков Г.К. Глобализация: начала, тенденции, перспективы. М.:Институт востоковедения РАН, 2002
26. Воскресенский А.Д. Китай во внешнеполитической стратегии России/ Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия: В 4 т. Т. I. М.: РОССПЭН, 2002
27. Воскресенский А.Д. Геостратегическая «геометрия» современного мира// Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001
28. Гаджиев К. С. Введение в геополитику. М.: Логос, 2000
29. Гаджиев К. С. Сравнительный анализ национальной идентичности США и России. М.: Логос, 2013
30. Галенович Ю. М. Америка и Китай// Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001
31. Галенович Ю. М. Китай и сентябрьская трагедия Америки. М., 2002
32. Гизен К.Г. Между теорией принятия решений и структурализмом: слабая роль индивидуальной этики в теориях международных отношений // Индивиды в международной политике. М., 1996
33. Глобалистика: Энциклопедия/ Гл. ред. И.И. Мазур, А.Н. Чумаков. М.: ЦНПП «Диалог», 2003
34. Глобальная геополитика/ Под ред. И.И. Абылгазиева, И.В. Ильина, И.Ф. Кефели. М.: Изд-во МГУ, 2010.
35. Дергачев В.А., Вардомский Л.Б. Регионоведение. М.: 2010
36. Давыдов Ю.П. Демократия, демократизация и проблемы войны и мира// Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия: В 4 т. Т. II. Исследования. М., 2002
37. Давыдов Ю.П. Норма против силы. Проблема мирорегулирования. М.: Наука, 2002

38. Делягин М.Г. Мировой кризис: Общая теория глобализация. М.: ИНФРА-М, 2003
39. Дериглазова Л.В. Конфликты в международных отношениях: Учеб. пособие/ Под ред. А.Г. Тимошенко. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2005.
40. Дынкин А.А. Институты и вызовы глобализации. М., 2001
41. Загорский А.В. Внешнеполитические процессы в СНГ/ Современные международные отношения. М., 1999
42. Закария Фарид. Постамериканский мир. М.: Европа, 2009
43. Ильин И.В., Леонова О.Г., Розанов А.С. Теория и практика политической глобалистики. М.: Изд-во МГУ, 2013
44. Инновационные направления современных международных отношений: Учеб. пособие для студентов вузов/ Под ред. А.В. Крутских, А.В. Бирюкова. М.:Аспект-Пресс, 2010
45. Иноземцев В. Глобализация. Иллюзии и реальность, М., 2009
46. Информационные вызовы национальной и международной безопасности/ Под ред. А.В. Федорова, В.Н. Цыгичко. М.: Пир-Центр, 2001.
47. Кагарлицкий Б.Ю. От империй – к империализму. М.: ИД Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2010
48. Кант И. К вечному миру// И. Кант. Соч. М., 1996. Т. 6.
49. Капустин Б.Г. Современность как предмет политической теории . М.: РОССПЭН, 1998
50. Кириллов В.Б. События в Центральной и Восточной Европе: позиции России. М., 2010
51. Киссинджер Г. Дипломатия. М.: Ладомир, 1997
52. Клаузевиц К. О войне/ Пер. с нем. М., 1999
53. Кокошин А.А. Политика национальной безопасности России в условиях глобализации. М.: Институт проблем международной безопасности РАН, 2001
54. Кокошин А.А. Стратегическое управление. Теория, исторический опыт, сравнительный анализ, задачи для России. М., 2003
55. Корсун В.А. Китайский «мировой порядок»: альтернативная интерпретация исторической трансформации внешнеполитической парадигмы// Китай в мировой политике. М.:РОССПЭН, 2001
56. КОРТУНОВ С.В. Современная внешняя политика России: стратегия избирательной вовлеченности. М.:ИД Гос.ун-та Высшей школы экономики, 2009
57. КОРТУНОВ С.В. Становление национальной идентичности. Какая Россия нужна миру? М., 2009
58. Костин А.И. Экополитология и глобалистика: Учеб. пособие для студентов. М.: Аспект-Пресс, 2005

59. Крашенинникова В. Америка – Россия: холодная война культур. Как американские ценности преломляют видение России. М., 2007
60. Кременюк В.А. США и окружающий мир: уравнение со многими неизвестными// Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия: В 4 т. Т. I. Исследования. М., 2002
61. Кувалдин В.Б. Глобализация: рождение мегаобщества// Мир и Россия на пороге XXI века. Вторые Горчаковские чтения. М., 2001
62. Кувалдин И.Б. Глобальность: новое измерение человеческого бытия// Грани глобализации. Трудные вопросы современного развития. М., 2003
63. Кувалдин И.Б. Глобальный мир: экономика, политика, международные отношения. М.: Магистр, 2009
64. Ланцов С.А. Террор и террористы. СПб.: Изд-во СПб. ун-та, 2004
65. Ларин В.Л. Дальний Восток России в фокусе китайской политики// Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: В 4 т. Т. III. М.: РОССПЭН, 2002.
66. Лебедева М.М. Политическое урегулирование конфликтов. М.: Аспект Пресс, 1997
67. Лебедева М.М. Мировая политика в XXI веке: акторы, процессы, проблемы. М.: Изд-во МГИМО, 2009
68. Литвинов В.А. Основы национальной безопасности России. М.: ЛЕНАНД, 2010
69. Лузянин С.Г. Китай, Россия и Центральная Азия: разграничение региональных интересов/Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001.
70. Лыков А.Ю. Мировое государство как будущее мирового сообщества. М.: Проспект 2013.
71. Манойло А.В. Технологии несилового разрешения конфликтов. М.: Изд-во Горячая линия-Телеком, 2008
72. Мегатренды мирового развития / под ред. М.В. Ильина, В.Л. Иноземцева. М.: Экономика, 2001.
73. Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке/ под ред. Т.А. Шаклеиной, А.А. Байкова. М.: Аспект Пресс. 2013.
74. Мельвиль А.Ю. Либеральная внешнеполитическая альтернатива для России?/ Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: Хрестоматия: В 4 т. Т. I. М.: РОССПЭН, 2002
75. Мир наизнанку: чем закончится экономический кризис для России?/М. Делягин, В. Шеянов. М.: Эксмо, 2009
76. Мировая политика в условиях кризиса/ Под ред. С.В. Картунова. М.: Аспект Пресс, 2010

77. Мировая политика и международные отношения в 1990-е годы: взгляды американских и французских исследователей: Хрестоматия/ Под ред. М.М. Лебедевой, П. А. Цыганкова. М., 2003.
78. Мировая политика: теория, методология, прикладной анализ/ Под ред. А.А. Кокошина, А.Д. Богатурова. М.: МОНФ, 2004
79. Михайлов А.Н., Келехсаев В.И. Противодействие терроризму: международный опыт. М.: Фонд им. М. Ю. Лермонтова, 2008
80. Михайлов Т.А. Эволюция геополитических идей. М.: Весь мир, 1999.
81. Моро-Дефарж Ф. Геополитика. М., 1997
82. Моро-Дефарж Ф. Основные понятия международной политики. М., 1995
83. Назлик Е. Краткий очерк гуманитарного права. Международный Комитет Красного Креста, 1993
84. Николсон М. Влияние индивида на международную систему. Размышления о структурах// Жирар М. Индивиды в международной политике/ Пер. с фр. Под ред. П.А. Цыганкова. М., 1996
85. Обичкина Е.О. Франция в поисках внешнеполитических ориентиров в постбиполярном мире. М.: МГИМО, 2004
86. Осипов Г.В. Парадигма нового мирового порядка и Россия. М., 1999.
87. Панарин А. Реванш истории. М.: Логос, 1998
88. Панарин А.С. Искушение глобализмом. М.: ЭКСМО-Пресс, 2002
89. Панарин А.С. Россия в циклах мировой истории. М., 1999
90. Панарин А.С. Стратегическая нестабильность в XXI веке. М.: Алгоритм, 2003
91. Панарин И.Н. Информационная война и Россия. М.: Мир безопасности, 2000
92. Печатнов В.О. Американско-центристский мир и его последствия для России// Мир и Россия на пороге XXI века. М., 2001
93. Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность: Хрестоматия/ Отв. ред. А.Д. Воскресенский. М.: Московский общественный научный фонд, 2000
94. Примаков Е.М. Восемь месяцев плюс... М.: Мысль, 2002
95. Примаков Е.М. Мир без России? К чему ведет политическая близорукость. М.: Российская газета, 2009
96. Проблемы безопасности и противодействия терроризму. М.: МЦНМО, 2006
97. Развивающиеся страны: экономический рост и социальный прогресс/Под ред. В. Шейниса, В. Эльянова. М.: Наука, 1983
98. Розенау Дж. Индивиды в международной политике. М., 1996
99. Российская наука международных отношений: новые направления/ Под ред. А.П. Цыганкова, П.А. Цыганкова. М.: ПЕР СЭ, 2005

100. Рукавишников В. О. Холодная война, холодный мир. М., 2007
101. Савицкий П.Н. Континент Евразия. М., 2007
102. Салицкий А.И. Внешнеэкономическая стратегия КНР//Китай в мировой политике. М.: РОССПЭН, 2001
103. Салмин А.М. Глобализация и современное государство. М., 2001
104. Сергеев В.М. Экономические центры силы на пороге XXI века//Мир и Россия на пороге XXI века. М., 2001
105. Системная история международных отношений (1918-2003)/ Под ред. А.Д. Богатурова. Т. 3. События 1945-2003. М., 2003
106. Современная мировая политика: прикладной анализ/ Отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009
107. Современные международные отношения/ Под ред. А.В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2009
108. Современная мировая политика: прикладной анализ/ Отв. ред. А. Д. Богатуров. М.: Аспект Пресс, 2009
109. Современные международные отношения/ Под ред. А.В. Торкунова. М.: Аспект Пресс, 2012
110. Стратегический глобальный прогноз 2030/ Под ред. акад. А.А. Дынкина. М.: ИМЭМО РАН, 2011
111. Стрельцов А.А. Обеспечение информационной безопасности России. М.: МЦНМО, 2002
112. Теория международных отношений на рубеже столетий/ Под ред. С. Смита и К. Буса/ Пер. с англ. М.: Гардарики, 2002
113. Титаренко М.Л. Россия: Безопасность через сотрудничество. Восточно-азиатский вектор. М.: Памятники исторической мысли, 2003
114. Титаренко М.Л., Михеев В.В. Стратегия соразвития России и АТР// Внешняя политика и безопасность современной России. 1991-2002: В 4 т. Т. III. М.: РОССПЭН, 2002
115. Тишков В.А. Очерки теории и политики этничности в России. М.: Наука, 1997
116. Тодд Э. После империи. Рах Americana – начало конца. М., 2004
117. Туронок С.Г. Политический анализ. Курс лекций. М., 2005
118. Тюлин И.Г. Исследования международных отношений в России: вчера, сегодня, завтра//Космополис. Альманах. 1999
119. Уткин А.И. Американская империя. М., 2003
120. Уткин А.И. Мировой порядок XXI века. М., 2001
121. Уткин А.И. Новый мировой порядок. М.: ЭКСМО, 2006
122. Федоров Ю.Е. движущие силы внешней политики Российской Федерации//Современные международные отношения. М., 1999

123. Фененко А.В, Современная международная безопасность: ядерный фактор. М.: Аспект Пресс, 2013
124. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003
125. Хаттон У. Мир, в котором живем. М., 2004
126. Цыганков А.П. Внешняя политика России от Горбачёва до Путина. М.: Научная книга, 2008
127. Цыганков А.П., Цыганков П.А. Социология международных отношений. М.: Аспект Пресс, 2007
128. Цыганков П.А. Международные отношения и мировая политика. Учебное пособие М., 2014
129. Цыганков П.А. Теория международных отношений. М.: Гардарики, 2002-2007
130. Чешков М.А. Глобальный контекст постсоветской России: Очерки теории и методологии мироцельности. М., 1999
131. Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике: Учеб. пособие для студентов. .: Аспект Пресс, 2013
132. Широков Г. Развивающиеся страны в мировом капиталистическом хозяйстве. М.:Наука, 1987
133. Штоль В.В. Армия нового мирового порядка. М.: ОГИ, 2010
134. Экономика и политика в современных международных конфликтах/ Под.ред. Богатурова. М.: МГИМО, 2008
135. Элиас Н. Общество индивидов. М.:Праксис, 2001
136. Юрьева Т.В. Европейская политика России// Современные международные отношения и мировая политика/ Отв. ред. А.В. Торкунов. М.: Просвещение, 2001

IV. Статьи в научной периодике

1. Абрамова И.О. Африка в современной модели мироустройства: весомый игрок или аутсайдер?//Журн. Латинская Америка, 2018
2. Адамишин А.Л. На пути к мировому правительству// Россия в глобальной политике. 2002. №1
3. Аксенёнок А.Г. Принуждение к демократии: есть ли пределы?//Россия в глобальной политике. 2004. №3. Май-июнь
4. Актуальные вопросы глобализации: Круглый стол «МЭ и МО»// Мировая экономика и международные отношения. 1999. №4.
5. Алексеева Т.А. Лики российского постмодернизма //Вестник МГУ. Сер. 18 Социология и политология. 2003. №3.
6. Арбатов А. Ядерная угроза- не блеф// Международная жизнь. 2013. Январь.

7. Афанасьев Е., Логвинов Г. Россия и Китай: на пороге третьего тысячелетия// Международная жизнь. 1995.
8. Барабанов О.Н. Глобальное управление и глобальное сотрудничество// Глобализация: человеческое измерение. 2002
9. Барановский В.Г. Международные организации как механизмы регулирования международных отношений// Современные международные отношения. М., 1999.
10. Барнет Т. Новая карта Пентагона // Россия в глобальной политике. 2004. №3. Май – июнь.
11. Барнет Т. Китай нуждается в глобальной роли США в сфере безопасности// Геополитика. Информационно-аналитическое издание. Вып. 1. 2011.
12. Баталов Э.Я. Современные глобальные тренды и новое сознание // Международные процессы. 2012. Т. 10. № 1 (28). Январь-апрель.
13. Богатуров А. Международный порядок в наступившем веке// Международные процессы. 2003. №1. Январь-апрель.
14. Богатуров А. Понятие мировой политики в теоретическом дискурсе// Международные процессы. 2004. Т.2. №1 (4). Январь-апрель.
15. Богатуров А. Д. Десять лет парадигмы освоения // Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 1.
16. Богатуров А. Д. Контрреволюция ценностей и международная безопасность // Международные процессы. Т. 6. № 2 (17). Май-август 2008. URL: <http://www.intertrends.ru/seventeenth/001.htm>
17. Богатуров А. Д. Реалистическая тенденция в российской теории международных отношений // Вестник Моск. ун-та. Сер. 18. Социология и политология. 2003. № 3.
18. Богатуров А. Д. Синдром поглощения в мировой политике // Pro et Contra. 1999. Т.4. № 4.
19. «Большая восьмерка»: возрождение лидерства// Россия в глобальной политике. Т.1. № 2. Апрель-июнь. 2003.
20. Борко Ю.А. Проблемка национального суверенитета: опыт европейской интеграции// Космополис. Альманах. М., 1999.
21. Браун К. Международно-политическая теория и идея мирового сообщества //Теория международных отношений на рубеже столетий/ Под ред. К. Буса и С. Смита. М., 2002
22. Булл Х. Анархическое общество: исследование проблемы порядка в мировой политике// Антология мировой политической мысли: В 5 т. Т. II Зарубежная политическая мысль XX века М., 1997
23. Войтоловский Ф. Нестабильность в мировой системе// Международные процессы. 2009 Т. 7. № 1 (19)

24. Володин А. Г., Широков Г. Глобализация: вызовы и риски //Международная политика. 2001. № 7.
25. Лесли Г., Розентал Дж. Мораль во внешней политике // Россия в глобальной политике. 2003. № 3. Июль-сентябрь
26. Демократия: универсальные ценности и многообразие исторического опыта: Материалы совместного круглого стола ИФ РАН, журналов «Полис» и «Политический класс». (А.Г. Глинчикова)
[URL:http://www.politstudies.ru/fulltext/2008/5/6.htm](http://www.politstudies.ru/fulltext/2008/5/6.htm)
27. Загладин Н.В. «Новый мировой беспорядок» и внешняя политика России// Мировая экономика и международные отношения. 2000. №1.
28. Зорькин В. Д. Апология Вестфальской системы// Россия в глобальной политике.2004. №3. Май-июнь.
29. Иноземцев В. Л. Глобализация: иллюзии и реальность// Свободная мысль. 2000. № 1.
30. Иноземцев В. Л., Карганов С.А. О мировом порядке XXI века// Россия в глобальной политике. 2005. № 1. Январь-февраль.
31. Капустин Б.Г. Посткоммунизм как постсовременность// Полис. 2001. №5
32. Козырев А. В. Преображенная Россия в новом мире. Выступление на научно-практической конференции МИД РФ. 26-27 февраля 1992 г. //Международная жизнь. 1992. № 3-4.
33. Козырев А. В. Стратегия партнерства// Международная жизнь. 1994. № 5.
34. Кортуннов С. В. Глобализация и национальная идентичность// Вестник Аналитики. 2007. № 1 (27)
35. Кременюк В.А. Насилие и ненасилие в «империи мировой демократии»// Международные процессы. 2004. №1
36. Кузнецов В. И. Что такое глобализация?// Мировая экономика и международные отношения. 1998. №2
37. Кулагин В.М. Гипотеза «демократического мира» в контексте альтернатив мирового развития// Полис. 2000. № 1.
38. Кулагин В.М. Мир в XX веке: многополюсный баланс сил или Pax Democratica // Полис. 2000. № 1.
39. Кулагин В.М. Политические режимы и внешняя политика// Pro et Contra. 2003. № 1.
40. Кулагин В.М. Современная международная безопасность. М.: Аспект Пресс, 2012
41. Лебедева М.М. Предметное поле и предметные поля мировой политики// Международные процессы. 2004. Т.2. №2.
42. Луков В.Б. «Большая восьмерка» в современном и будущем мире// Международная жизнь. 2002. №3.

43. Вольф М. Рынки, демократия и мир// Международная политика. 2005. № 2
44. Мельвиль А. Ю. Либеральная внешнеполитическая альтернатива для России? // Открытая политика. 1998. № 6.
45. Михеев В.В. Логика глобализации и интересы России// Pro et Contra. 1999. Т.4. № 4.
46. Най Дж.-С. – мл. Взаимозависимость и изменяющаяся международная политика// Мировая экономика и международные отношения. 1989. № 12.
47. Най-младший Дж. После Ирака: мощь и стратегия США// Россия в глобальной политике. 2003. № 3.
48. Нарочницкая Н.А. Национальный интерес России // Международная жизнь. 1992. № 3-4.
49. Неклесса А.И. Ordo Quadro – четвертый порядок: пришествие постсовременного мира// Полис. 2000. № 6.
50. Никонов В.А. Назад к концерту// Россия в глобальной политике. 2002. №1. Ноябрь-декабрь.
51. Нова Эстер. Геополитические последствия экономического кризиса. Delkelet Europa – South-East Europe//International Relations Quarterly. 2001. Vol.2. N1.
52. Пабст А. Берлинская доктрина// Россия в глобальной политике. 2009. № 1. Январь-февраль.
53. Пастухов В.Б. Национальный и государственные интересы России: игра слов или игра в слова? // Полис. 2000. № 1.
54. Преображенная Россия в новом мире: Научно-практическая конференция МИД РФ. 26-27 февраля 1992 г. // Международная жизнь. 1992. № 3-4.
55. Примаков Е.М. На горизонте многополярный мир //Международная жизнь. 1996. № 10.
56. Путин В. Россия и меняющийся мир// Московские новости. 2012. 27 февр.
57. Рыхтик М. Государствостроительство (nation-building) во внешнеполитической стратегии США// Международные процессы. 2003. № 2. Май-август.
58. Савин Л.А. От периферии к супердержаве// Геополитика. Информационно-аналитическое издание. 2011. Вып. 1.
59. Саймс Д. Имперская дилемма Америки// Россия в глобальной политике. 2004. № 1. Январь-февраль.
60. Соловьёв Э.Г. Геополитика как профессия и как научная дисциплина: перспективы эволюции в современной России// Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология. 2003. № 2.

61. Соловьёв Э.Г. От «военного гуманизма» к «вооруженному идеализму». Эволюция американских подходов к миропорядку// Международные процессы. 2003. № 2. Май-август.
62. Стюарт С. Россия и ЕС: экономика, как катализатор политики// Россия в глобальной политике. 2008. № 2. Март-апрель.
63. Сутела П. ЕС и Россия: возможно ли взаимодействие на равных? // Россия в глобальной политике. 2007. № 6. Ноябрь-декабрь.
64. Трибрат В. «Мягкая безопасность» по Джозефу Наю// Международные процессы. 2005. Т.3. № 1 (7). Январь-апрель.
65. Фёдоров Ю. Е. Глобализация: вызовы и альтернативы для России// Международная политика. 2001. № 7.
66. Фененко А.В. Войны шестого поколения// Международная жизнь. 2004. № 2
67. Финнемор М. Нормы, культура и мировая политика с позиций социологического институционализма.// Международные отношения: социологические подходы. М.: Гардарики, 1998
68. Хоффман С. Столкновение глобализаций // Россия в глобальной политике. 2003. Т. 1. № 1. Январь-март.
69. Хрусталёв М. А. Диверсионно-террористическая война как военно-политический феномен// Международные процессы. 2003. № 2. Май – август.
70. Хрусталёв М. А. Эволюция системы международных отношений и особенности её современного этапа// Космополис. Альманах. 1999.
71. Хэнсон Ф. Россия и ЕС: энергетическое сотрудничество неизбежно // Россия в глобальной политике. 2008. № 1. Январь-февраль
72. Цыганков А.П. Русофобия в США// Международные процессы. 2006. № 3.
73. Чешков А.А. Болезнь серьёзнее, чем кажется// Pro et Contra. 2000. Т. 5. № 3.
74. Чихарев И.А. «Умная мощь» в арсенале мировой политики// Международные процессы. 2011. Т. 9. № 1 (25) Январь-апрель.
75. Шейнис В.Л. Национальные интересы и внешняя политика России// Мировая экономика и международные отношения. 2003. № 4.
76. Шерр Дж. Россия и Запад: переоценка//Россия в глобальной политике. 2008. № 2. Март-апрель
77. Школяр Н. А. Интернационализации экономик стран Латинской Америки//Росс. Экономический вестник 2010. № 16

V. Интернет-источники

1. Арбатов А. Россия больше не будет следовать следовать в фарватере Запада. URL: <http://www.politcom.ru/print.php?id=5701>;
2. Арбатов А.Г. Международная безопасность, положение и роль Российской Федерации. URL: <http://russiancouncil.ru/>
3. Барр Э. Стратегические интересы Европы. URL: http://www.moskau.diplo.De/Vertretung/moskau/ru/04/Internationale__Politic/2007/IP02__2007/11.html
4. Бобо Ло. «Постоянная перезагрузка» Китая. URL: http://narod.ru/disk/27308350000/Бобо%20Ло_перезагрузка%20Китая.pdf.html
5. Волчек Д. Обсуждение политических последствий финансового кризиса. URL: <http://www.svobodanews.ru/Transcript/2008/10/11/20081011234453520.html>
6. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». URL: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>